

8
31878

*Возвращено из библиотеки
Импер. Харьк. Университ.*

1904

759

ОТЧЕТЪ КОМИТЕТА

О ТРЕТЬЕМЪ

ОЧЕРЕДНОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ БАНКОМЪ

ВЪ ПАМЯТЬ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

Приложенія:

Рецензіи А. Я. Ефименко, П. П. Мигулина, Л. Н. Яснопольскаго.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., № 19.

1904.

2484(2)711[5]
7448. 4(49KP)708₁₃

31842

99

28.11
Vno 21.

1834

ОТЧЕТЪ КОМИТЕТА

1904
759

О ТРЕТЬЕМЪ

ОЧЕРЕДНОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ БАНКОМЪ

31878

ВЪ ПАМЯТЬ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ

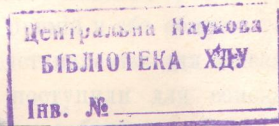
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

10

Приложенія:

Рецензіи А. Я. Ефименко, П. П. Мигулина, Л. Н. Яснопольскаго.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., № 19.

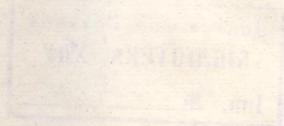
1904.

58 08

На основаніи ст. 41, § 1, п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать и выпустить въ
свѣтъ разрѣшается. 18 Марта 1904 года.

Ректоръ университета *Н. Куплевскій.*

Продолженіи:

На основаніи § 7 положенія о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, въ составъ Комитета по присужденію этихъ премій должны входить, въ качествѣ его непременныхъ членовъ, представители слѣдующихъ кафедръ при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ: политической экономіи, статистики, полицейскаго права, финансоваго права, гражданскаго права, русской исторіи, агрономіи, технологіи, физической географіи и гігіены. Въ теченіе послѣдняго трехлѣтія со времени второго очередного присужденія премій 19-го Февраля 1901 года въ составъ Комитета находились проф. политической экономіи В. Ф. Левитскій, финансоваго права П. П. Мигулинъ, проф. гражданскаго права Н. А. Гредескулъ, проф. русской исторіи Д. И. Багалъй, проф. агрономіи А. Е. Зайкевичъ, проф. физической географіи А. Н. Красновъ, проф. гігіены П. П. Скворцовъ и преподаватель статистики, приватъ-доцентъ Л. Н. Яснопольскій (съ 1-го Января 1903 года). Къ 16 Декабря 1901 года истекалъ срокъ трехлѣтія пребыванія въ званіи председателя Комитета В. Ф. Левитскаго, поэтому въ засѣданіи 30 Января 1902 г. былъ произведенъ выборъ председателя, при чемъ В. Ф. Левитскій закрытою баллотировкою избранъ на слѣдующее трехлѣтіе 1902—1904 г.г.

Послѣ второго присужденія премій, состоявшагося въ Февраль 1901 г., третье очередное присужденіе премій, согласно § 23 Положенія, должно было состояться черезъ три года, т. е. въ Февраль 1904 г., при чемъ срокъ для представленія сочиненій къ соисканію премій истекалъ 19-го Февраля 1903 года. Послѣ публикацій, сдѣланныхъ Комитетомъ въ столичной и мѣстной прессѣ и разсылки печатныхъ объявленій въ губернскія земскія управы района дѣятельности Харьковскаго Земельнаго Банка, о срокахъ представленія сочиненій для очередного присужденія премій и объ общихъ условіяхъ, которымъ должны отвѣчать сочиненія, представляемые для соисканія премій,—въ Комитетъ до 19 Февраля 1903 г. поступили для соисканія премій три сочиненія: Ф. А. Щербины „Крестыанскіе бюджеты, Воронежъ, 1900 г.“; С. И. Лисенко „Очерки домашнихъ промысловъ и ремеселъ Полтавской губерніи, Роменскій уѣздъ. Изданіе Полтавскаго губ. земства. Одесса 1900 г.“ и совмѣстное сочиненіе двухъ авторовъ, Д. И. Багалъи и Д. П. Миллера, „Исторія г. Харькова въ 17 и 18 вв.“, представленное въ рукописи. Въ засѣданіи 8 Марта 1903 г. Комитетъ призналъ, что эти сочиненія по своему содержанію отвѣчаютъ требованіямъ, §§ 4 и 5 Положенія, и для спеціальной ихъ оцѣнки избралъ трехъ рецензентовъ. При

этомъ составленіе рецензій было получено: на соч. г. Щербины—П. П. Мигулину, на сочиненіе г. Лисенка—Л. Н. Яснопольскому и на соч. гг. Багалія и Миллера—извѣстной изслѣдовательницѣ въ области исторіи русскаго права А. Я. Ефименко.

Въ засѣданіяхъ 14 и 18 Февраля 1904 г., послѣ прочтенія рецензій названныхъ авторовъ и обсужденія достоинствъ рецензированныхъ сочиненій, Комитетъ единогласно присудилъ С. И. Лисенку премію въ 500 рублей и большинствомъ голосовъ противъ одного — премію въ 1000 рублей Ѳ. А. Щербинѣ и авторамъ сочиненія „Исторія г. Харькова“ Д. И. Багалію и Д. П. Миллеру. Въ виду того, что Комитетомъ (по § 24 Полож.) можетъ быть выдана только одна большая премія въ 1000 руб., вопросъ о назначеніи ее одному изъ двухъ сочиненій, признанныхъ заслуживающими этой преміи, былъ рѣшенъ (по § 16 Полож.) жребіемъ, при чемъ благопріятный жребій выпалъ въ пользу авторовъ соч. „Исторія г. Харькова“; посему Комитетъ постановилъ выдать имъ премію въ 1000 рублей, а Ѳ. А. Щербинѣ—премію въ 500 рублей. Въ тѣхъ же засѣданіяхъ постановлено тремъ рецензентамъ вышеназванныхъ сочиненій, г-жѣ Ефименко и гг. Мигулину и Яснопольскому, назначить золотыя медали. Въ теченіе послѣдняго трехлѣтія Комитетъ имѣлъ четыре засѣданія.

Отчетъ о расходованіи суммъ Комитетомъ за трехлѣтіе съ 19-го Февраля 1901 года по 19 Февраля 1904 года.

Послѣ второго присужденія премій, къ 19 Февраля 1901 года, капиталъ, изъ доходовъ отъ котораго выдаются преміи, составлялъ 30,351 руб. 23 коп. Въ теченіе трехлѣтія 1901—1904 г. было израсходовано на публикаціи, дѣлопроизводство на печатаніе новаго изданія положенія о преміяхъ и почтовые расходы 135 руб. 82 коп., при чемъ 50 рублей для этой цѣли были взяты изъ суммъ текущаго трехлѣтія 1901—1904, а другая часть расхода въ 85 руб. 82 коп., была покрыта изъ суммы предшествующаго трехлѣтія.

Къ 1-му Января 1904 г. общая сумма капитала, находящагося въ распоряженіи Комитета, возросла до 35,589 рублей 3 коп.

Въ настоящее время, послѣ выдачи премій этого года,—двухъ по 500 рублей и одной въ 1000 рублей,—а также трехъ золотыхъ медалей рецензентамъ по 100 рублей, капиталъ, предназначенный для выдачи изъ его 0/0/0 премій, представляетъ сумму въ 33,289 рублей 3 коп.

2-го Марта 1904 года.

Предсѣдатель Комитета *В. Левитскій.*

Члены Комитета

{ *Д. Багалъй.*
Ник. Гредескулъ.
А. Зайкевичъ.
А. Красновъ.
И. Скворцовъ.

А. ЕФИМЕНКО.

Городъ Харьковъ въ XVII—XVIII вв.

Историческая монографія

Д. И. Вагалѣя и Д. П. Миллера.

Рукопись. Харьковъ, 1903 г.

(Рецензія).

Настоящее сочиненіе представляет собой историческую монографію, посвященную предмету, который занимаетъ въ нашей научной литературѣ нѣсколько исключительное положеніе. Исключительно оно своей, такъ сказать, «заброшенностью», малымъ вниманіемъ, какое удѣляла ему до сихъ поръ наша историческая наука. Эволюція такого важнаго социально-культурнаго явленія, какъ городъ, не привлекаетъ нашихъ изслѣдователей ни со стороны того философски-теоретическаго интереса, какой, казалось бы, должно было возбуждать это явленіе, ни со стороны собиранія, группировки, обработки относящагося сюда конкретнаго, фактическаго матеріала.

Скудость нашихъ изученій предмета особенно кидается въ глаза при сопоставленіи съ тѣмъ, что сдѣлано и дѣлается по данному вопросу въ европейскихъ научныхъ литературахъ, особенно нѣмецкой. Возникновеніе и развитіе города вызвало здѣсь и продолжаетъ вызывать все новыя и новыя теоріи и гипотезы; масса монографій по исторіи отдѣльныхъ городовъ и городскихъ учреждений—во многихъ случаяхъ представляющихъ собою серьезные научные труды—создаетъ солидный фундаментъ для научныхъ обобщеній.

Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло у насъ, въ Россіи. Ни о какихъ самостоятельныхъ научныхъ обобщеніяхъ, касающихся даннаго предмета, у насъ не можетъ быть и рѣчи въ силу почти полнаго отсутствія того фактическаго матеріала, какой дается исторіей отдѣльныхъ городовъ. Ни одинъ русскій городъ не имѣетъ цѣльной, законченной исторіи, выдерживающей какую-нибудь, хотя бы самую снисходительную, научную критику.

Конечно, причина всего этого лежитъ не въ одной лишь относительной скудости научныхъ силъ, а еще гораздо болѣе и въ самой конкретной исторической дѣйствительности. Лишь на зарѣ нашей русской исторической жизни городъ игралъ въ русскомъ социальномъ строѣ ту же

значительную роль, какую игралъ въ западно-европейской жизни всегда, вплоть до новаго времени, когда и въ Европѣ онъ былъ поглощенъ государствомъ. Но это поглощеніе произошло въ Россіи не только значительно раньше, но и было несравненно интенсивнѣе. При томъ процессъ поглощенія одинаково захватилъ обѣ половины Русскаго государства, московскую, какъ и литовскую, не смотря на большую разницу въ ихъ историческихъ судьбахъ. Хотя литовская, или южно-русская, половина Россіи жила до своего соединенія въ историческихъ условіяхъ, представлявшихъ несравненно больше политической свободы и общественной самодѣятельности, но городъ, не смотря на предоставленную ему во многихъ случаяхъ автономію подъ видомъ Магдебургскаго, Хелмскаго и др. нѣмецкихъ правъ, не получилъ должнаго развитія въ силу обстоятельствъ, о которыхъ я считаю излишнимъ здѣсь распространяться.

И тѣмъ не менѣе нельзя не счесть извѣстной аномаліей, что русское общество и русская научная литература не имѣютъ солидныхъ монографій, касающихся историческихъ судебъ хотя бы такихъ центральныхъ культурныхъ пунктовъ, какъ: Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса. Москва уже почувствовала этотъ пробѣлъ и стремится его пополнить; но трудъ извѣстнаго историка Забѣлина, издаваемый Московской городской думой, появился лишь первою частью, которая на своихъ болѣе чѣмъ шестистахъ страницахъ даетъ много чрезвычайно интереснаго, провѣреннаго и хорошо сгруппированнаго матеріала, но мало исполняетъ по отношенію къ своему собственному обширному плану. Однако все-таки надо признать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ началомъ серьезнаго научнаго труда. Все остальное, что относится къ исторіи русскихъ городовъ, упомянутыхъ выше и иныхъ, стоитъ внѣ строго очерченныхъ предѣловъ исторической науки; въ лучшемъ случаѣ это лишь сырой научный матеріалъ, требующій не только обработки, но и критической провѣрки и оцѣнки.

На долю Харькова выпала честь первому въ ряду русскихъ городовъ выступить со своей научной исторіей. Правда, монографія Харькова въ XVII—XVIII вв. есть только первая часть труда, который имѣетъ быть доведенъ до настоящаго времени; но и въ этой своей части онъ представляетъ совершенно законченное цѣлое, которое и должно быть разсматриваемо какъ таковое.

Настоящая монографія написана профес. Д. И. Багалѣмъ и г. Д. П. Миллеромъ по порученію Харьковскаго городского общества къ предстоящему въ 1905 г. двухсотъ-пятидесятилѣтнему юбилею со времени основанія Харькова. Авторы приступили къ работѣ съ самаго начала 1897 г., и три года посвятили только собиранію матеріаловъ. Трудъ пришлось начинать почти во всѣхъ его частяхъ ab ovo. Тѣ два сочиненія по исторіи Харькова, какія существовали, т. е. «Историко-статистическое описаніе г. Харькова» С. И. Кованька и «Харьковъ, историко-статистическій опытъ» К. П. Щелкова, авторы оставили совсѣмъ въ

сторонѣ, какъ не удовлетворяющія современнымъ научнымъ требованіямъ. Печатнаго матеріала, пригоднаго для поставленныхъ цѣлей, оказалось очень мало. Такимъ образомъ, новая работа по исторіи Харькова должна была начаться съ архивныхъ изысканій. Авторамъ пришлось извлекать совершенно новый матеріалъ изъ Харьковского Историческаго Архива, Архива Харьковского Губернскаго Правленія, Харьковской Городской Думы, Межевого Отдѣленія Харьковского Губернскаго Правленія, Архивовъ Казенной Палаты и Духовной Консисторіи, Московскаго Архива Министерства Юстиціи и Московскаго отдѣленія Главнаго Штаба, Петербургскаго Военно-ученаго Архива, наконецъ, изъ Императорской публичной бібліотеки.

Въ результатѣ шестилѣтняго труда явилось настоящее изслѣдованіе, которое представляетъ собой пятнадцать главъ слѣдующаго содержанія: 1) Основаніе Харькова. 2) Топографія Харькова въ XVII—XVIII вв. 3) Составъ и движеніе населенія. 4) Харьковъ, какъ административный центръ. 5) Городское самоуправленіе. 6) Городское хозяйство. 7) Полиція и городское благоустройство. 8) Градостроительство. 9) Экономическій бытъ—промыслы, торговля и ремесла. 10) Повинности городского населенія. 11) Образованіе и школы. 12) Представитель мѣстной науки Г. С. Сковорода. 13) Театръ. 14) Домашній бытъ и нравы. 15) Церковь и духовенство.

Такимъ образомъ, перелъ нами—программа труда. Выполнена эта программа по преимуществу приѣмами описательнаго характера, но въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ напр., въ вопросѣ о возникновеніи города и т. п. авторамъ приходилось прибѣгать и къ научному анализу.

Что даетъ «Городъ Харьковъ въ XVII—XVIII вв.» по отношенію къ разработкѣ и освѣщенію своего предмета, къ какимъ выводамъ приходитъ трудъ? Прослѣдимъ все это шагъ за шагомъ.

Вопросъ о возникновеніи Харькова до сихъ поръ оставался вопросомъ открытымъ. Около него—какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ—накопилось извѣстное количество предположеній и догадокъ, не имѣющихъ за собой или вовсе или почти никакихъ научно обставленныхъ историческихъ основаній. Настоящій трудъ подвергаетъ всѣ эти догадки и предположенія пересмотру и критической оцѣнкѣ, удовлетворяя тѣмъ, конечно, не столько требованіямъ исторической науки, сколько потребностямъ мѣстнаго общества, естественно заинтересованнаго не только своей исторіей, но и своей, такъ сказать, исторіографіей. Затѣмъ выдвигается солидный научный арсеналъ, состоящій почти исключительно изъ источниковъ первой руки, при помощи которыхъ рѣшеніе вопроса обставляется съ исчерпывающей полнотой. Харьковъ возникъ въ $1\frac{1}{2}$ 17-го в., на Харьковскомъ городищѣ, имя котораго, какъ и имя р. Харькова, упоминается въ Книгѣ Большого Чертежа,—слѣдовательно, на территоріи стараго, выморочнаго заселенія. Заселеніе это, по всѣмъ вѣроятностямъ, надо отнести

къ домонгольскому періоду нашей русской исторіи: можно предполагать, что здѣсь былъ острожокъ Чернигово-Сѣверской земли съ смѣшаннымъ русско-тюркскимъ населеніемъ. Но точная исторія Харькова, основывающаяся на несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ, начинается лишь съ новаго заселенія выморочной территоріи малорусскими, черкасскими, выходцами. Извѣстно, что всѣ потрясенія, которыми была такъ богата исторія Малороссіи въ 17-мъ вѣкѣ, давали свои отложенія на территоріи Слободской Украины. Появленіе населенія на Харьковскомъ городищѣ было, конечно, однимъ изъ такихъ отложеній. Но къ какому точно опредѣленному историческому моменту надо его приурочить, теперь рѣшить невозможно. Достоверно извѣстно, что въ 1654 г. черкасы уже сидѣли на городищѣ; что они поселились незадолго, такъ какъ ихъ называютъ «новоприбытными»; что они прибыли большою партіей, такъ какъ сразу обстроили своими дворами городище, имѣвшее въ окружности 530 сажень, и представляли собою, по списку 1655 г., 587 душъ служилыхъ людей. Черкасы эти были на своей родинѣ посполитые люди, судя по тому, что московскій воевода называетъ ихъ «сбродомъ мужиковъ деревенскихъ»; но они осѣли, какъ военно-служилая группа—козаки. Они раздѣлились на сотни, которыя подраздѣлились на десятки; во главѣ ихъ стоялъ атаманъ. Московское правительство отдало ихъ въ вѣдѣніе чугуевского воеводы, подъ руководствомъ котораго они тотчасъ же устроили какое-то укрѣпленіе; однако устроили по своему «извычаю». Кромѣ дѣланія острога и его защиты, на обязанности этихъ первыхъ харьковскихъ поселенцевъ лежало еще «ѣздить по вѣстямъ на сторожи» и исполнять иныя обязанности по оборонѣ отъ татаръ, которые постоянно рыскали въ окружающихъ степяхъ, грозя ежеминутно плѣномъ и раззореніемъ. Но харьковскіе черкасы предпочитали заниматься своимъ хозяйственнымъ благоустройствомъ, строиться дворами, обзаводиться хлѣбомъ, распахивать пашню и прокладывать дорогу въ Торъ, т. е. Славянскъ, чтобъ ѣздить туда за солью. Это послѣднее обстоятельство возбуждало большое неудовольствіе московскаго правительства, такъ какъ по проложеннымъ дорогамъ пробирались татары внутрь края. Съ 1656 г. къ харьковскимъ черкасамъ, вмѣстѣ съ хорошевскими, былъ приставленъ особый воевода. Тотчасъ же начались столкновенія между черкасами и ихъ московскимъ начальствомъ. Воевода горько жаловался въ Москву, что харьковскіе черкасы его не слушаютъ, ничего должнаго не исполняютъ, а только безпрестанно пьютъ и бранятся, и унять ихъ нечѣмъ. Главнымъ же пунктомъ его жалобныхъ донесеній было то, что харьковцы не хотятъ строить крѣпости по общепринятому московскому типу. Однако, какъ-ни-какъ, а поселенцы должны были приняты за постройку крѣпости на крымской сторонѣ р. Харькова и ногайской—р. Лопани и сдѣлали ее въ теченіе 1656—58 г.г.: этими годами помѣчены «строельныя книги городу Харькову». Появленіе крѣпости есть необходимое формальное условіе для возникновенія города.

Такимъ образомъ окончательно рѣшается вопросъ объ установленіи для г. Харькова хронологической даты.

Итакъ, г. Харьковъ явился на свѣтъ, какъ военно-оборонительный пунктъ, заселенный черкасами, т. е. малорусскими казаками. Этими двумя факторами и опредѣлилась прежде всего фізіономія города и развитіе тѣхъ внѣшнихъ чертъ, которыя составляютъ его топографію. Крѣпость, или «замокъ», по терминологіи, принесенной черкасами съ ихъ родины, былъ въ первую эпоху существованія Харькова тѣмъ центромъ, около котораго сосредоточивалось вниманіе государства; все остальное было въ его глазахъ лишь несущественнымъ придаткомъ. Сохранилось восемь описаній Харькова отъ 17-го в., но это лишь описанія его крѣпости. Описанія эти не имѣютъ особаго интереса, такъ какъ Харьковская крѣпость представляла собой лишь обычный средній типъ московскаго украинскаго укрѣпленія. Положеніе города не было настолько выдвинутымъ и угрожаемымъ, чтобы на немъ стоило сосредоточивать особыя заботы; и хотя татары даже въ 1680 г. подходили къ городу, но не только незамѣтно усиленія крѣпостныхъ сооружений, а, наоборотъ, къ концу 17-го в. замѣтна въ отношеніи ихъ небрежность и запущенность. Извѣстный поворотъ въ положеніи дѣла дала Шведская война, когда Петръ В. принялъ усиленные мѣры къ укрѣпленію Харькова. Надо думать, что именно въ это время городъ принялъ по отношенію къ району своей укрѣпленности тотъ видъ, какой констатируется обстоятельнымъ планомъ 1787 г. По даннымъ этого плана, центральное укрѣпленіе, т. е. замокъ, соответствовавшее городищу и первоначальной крѣпости, захватывало собой ту часть города, гдѣ помѣщается теперь соборъ, присутственные мѣста, пассажъ, гостинный дворъ, университетъ и монастырь. Но, кромѣ этого внутренняго укрѣпленія, было еще внѣшнее, состоявшее изъ земляного вала съ нѣсколькими башнями. Это внѣшнее укрѣпленіе захватывало значительную часть теперешняго Харькова. Валъ проходилъ по Михайловской и Вознесенской площадямъ, направляясь черезъ усадьбу Фриде (гдѣ была губернаторская квартира) къ той мѣстности, гдѣ Рымарская ул. соединяется съ Сумской, и далѣе, къ концамъ улицъ Рогатинской и Мордвиновской; дальше онъ пересѣкалъ Большую Панасовку и шелъ вдоль Тюремной къ Средне-Гончаровской и Сѣриковской ул.; потомъ направлялся по Москалевкѣ и тому пункту, гдѣ Екатерининская ул. пересѣкается Воскресенскимъ переулкомъ, и далѣе, къ соединенію Ващенковскаго переулка съ Грековской ул., а оттуда къ теперешнему Кузнецкому мосту. Конечно, въ концѣ 18-го в., къ которому относится планъ, всѣ эти укрѣпленія были уже предоставлены уничтоженію за полной ихъ ненужностью. Значительное протяженіе внѣшнихъ укрѣпленій краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ натискѣ, какой оказывало черкасское населеніе города, усиленно стремившееся къ широтѣ и свободѣ въ своей осѣдлости. Не успѣли черкасы осѣсть на харьковскомъ городищѣ, какъ

уже воевода, въ 1658 г., жалуется государю, что «живуть всё они въ лѣсахъ, по хуторамъ и по пасѣкамъ своимъ, а въ городѣ только чуть не пусто». И, если власть московскаго начальства—да и соображенія безопасности,—могли ограничить ихъ стремленія къ отдаленнымъ «хуторамъ и пасѣкамъ», то все-таки харьковскіе черкасы селились внѣ черты замка, возможно шире располагаясь своими усадьбами. Сохранился одинъ любопытный документъ отъ 1724 г.—описаніе городскихъ приходовъ. Передъ нами казацкій, черкасскій Харьковъ какъ на ладони. Въ немъ 10 приходовъ, къ которымъ относится 57 улицъ. Но совершенно ясно, что это не городскія улицы, а то, что называется въ малорусскомъ селѣ кутками. Каждый кутокъ заключалъ въ себѣ среднимъ числомъ уже больше двадцати дворовъ, но не мало было еще кутковъ съ 2—10 дворами, а встрѣчается случай, когда кутокъ состоялъ изъ одного двора, нося все-таки названіе улицы: «улица къ Сизіону». Большинство кутковъ въ своихъ названіяхъ сохранило имя своего первоначальнаго насельника: улица Борисенкова Пушкаря, улица Богодуховскаго Семена, Еношина, Пѣстунова, Котлярова и т. д.; при чемъ въ названіи дворовъ встрѣчается имя, давшее названіе улицѣ. Въ нѣкоторыхъ дворахъ встрѣчаются и подусѣдки. Однимъ словомъ, передъ нами настоящее южно-русское село, которое раскинулось въ живописномъ безпорядкѣ по берегамъ двухъ рѣчекъ, съ бѣлыми хатами подъ соломенными стрѣхами, въ зеленыхъ садкахъ, окруженныхъ плетнями, съ плотинами и мельницами, съ невылазной грязью въ дождливую пору. За чертой городской осѣдлости, опредѣляемой валомъ, находились «пидварки»,—хозяйственные хутора, число которыхъ перепись Хрушова 1732 г. опредѣляетъ въ 35. Только къ 1765 г., когда Харьковъ сдѣлался впервые губернскимъ центромъ, является мысль о его расплачивкѣ. По количеству плановъ Харькова, дошедшихъ до насъ отъ второй половины 18-го в., можно судить, что мысль эта не осталась втунѣ. Но, очевидно, для осуществленія ея встрѣчались большія препятствія. По крайней мѣрѣ, академикъ Зуевъ, который посѣтилъ Харьковъ въ 1781 г., опредѣленно указываетъ на отсутствіе плана и деревенскую безпорядочность въ расположеніи Харькова. Однако, въ самомъ концѣ столѣтія, въ 1794 г., мы уже встрѣчаемъ названія теперешнихъ главнѣйшихъ улицъ—Екатеринославской, Московской, Панасовской, Сумской, Москалевской, слѣдовательно, уже намѣтили тѣ главнѣйшія линіи, которыми опредѣляется современная топографическая физіономія Харькова.

Населеніе Харькова было вначалѣ вполнѣ однородное, какъ этнографически, такъ и социально: военно-служилые черкасы, т. е. малорусы, обязанные государству казацкой службой. Кромѣ того, проживало въ Харьковѣ еще небольшое число великорусскихъ служилыхъ людей, группировавшихся около московскихъ воеводъ для разныхъ личныхъ и служебныхъ ихъ надобностей. Число великоруссовъ временами сильно увеличивалось, съ 5%—8% до 20% и даже болѣе, смотря по потребностямъ

момента; но ни абсолютная величина великорусскаго элемента, ни колебанія этой величины не представляли собой ничего правильного и постоянного. Это былъ элементъ пришлый и случайный, въ полномъ смыслѣ этого слова; съ уничтоженіемъ воеводскаго управленія, въ 1706 г., онъ совсѣмъ исчезаетъ. Кромѣ служилыхъ людей великорусскаго происхожденія, въ Харьковѣ всегда проживало еще нѣкоторое количество великоруссовъ «безъ службъ», ради пѣлей труда и промысла; однако количество это было незначительно. Даже въ 1732 г., къ которому относится обстоятельная перепись Хруцова, великоруссы составляли всего лишь 6% харьковскаго населенія. Усиленіе великорусскаго элемента наступило съ Екатерининскими реформами, которыя двинули сюда великорусское чиновничество и вообще произвели коренную ломку во всемъ укладѣ мѣстной общественной жизни. Но еще до наступленія этой ломки среди самого малорусскаго элемента, вполне однороднаго вначалѣ, уже произошла значительная дифференціація. Она была неизбежна. Въ первую эпоху своей жизни на новосельѣ, Харьковскіе черкасы всѣ одинаково имѣли на своей обязанности лишь строить городъ и нести полевую сторожу отъ татаръ; но когда городъ былъ отстроенъ, а опасность отъ татаръ постепенно уничтожалась, положеніе дѣла измѣнилось. Кромѣ поддержанія города и «городовой службы», отъ нихъ потребовалась «служба полковая», имѣвшая цѣлью удовлетвореніе не мѣстныхъ лишь, а общегосударственныхъ потребностей. Полковая же служба была сложное и трудное дѣло. Она отбывалась конно; для нея требовалось соответствующее дорогое вооруженіе, одежда; наконецъ, она отрывала человѣка совершенно отъ домашняго хозяйства: не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы все способное мужское населеніе отбывало ее поголовно. Такимъ образомъ лишь извѣстная часть всего военнотруженика черкаскаго населенія могла отбывать полковую службу лично; остальные лишь участвовали въ такой или иной мѣрѣ въ снаряженіи такого коннаго воина-казака. Къ началу 18-го стол. эти отношенія были уже установившимся фактомъ: одни казаки, отбывавшіе конную службу лично, назывались выборными, рядовыми; другая часть, превышавшая численностью первую въ три-четыре раза, состояла въ подпомощникахъ. Это было первымъ условіемъ соціальной дифференціаціи. Второе заключалось въ характерѣ занятій. Переселенцамъ предоставлено было право занимать землю и пользоваться свободой всякаго рода занятій. Такимъ образомъ, одни и, конечно, «заможнѣйшіе»—благодаря ли большому количеству рабочихъ рукъ, или запасному капиталу, въ видѣ скота орудій, денегъ—занимались «пашней», другіе—остались при разнаго вида промыслѣ и ремеслѣ. Ремесленники, слѣдуя обычаю, вынесенному съ малорусской родины, сгруппировались тотчасъ же въ цехи. Такимъ образомъ, одна и та же группа харьковскихъ черкасъ, однородная этнографически и соціально, появляется въ документахъ подъ очень пестрой терминологіей: «черкасы пашенные», «черкасы полевой службы», «черкасы городской

службы», «пѣшіе черкасы городской службы», «цеховые». Особенно послѣдній терминъ можетъ вызвать большія недоразумѣнія: харьковскіе «цеховые» 17-го в. совсѣмъ не то, что цеховые по Петровскому указу 1722 г. и Екатерининской жалованной грамотѣ городамъ 1785 г.—достаточно сказать, что къ нимъ одинаково прилагается терминъ «мѣщане» и «пѣшіе черкасы городской службы». Изъ однородной группы черкасъ выдѣляется за этотъ періодъ исторіи Харькова, который можно назвать казацкимъ, казацкая старшина, но выдѣляется пока фактически, а не юридически. Дворянства еще нѣтъ, какъ нѣтъ и крѣпостныхъ. Реформы царствованія Екатерины II все измѣнили въ этомъ положеніи. Сначала, съ 1765 г., казацкое населеніе Харькова было обращено въ войсковыхъ обывателей, обязанныхъ выставять рекрутъ въ гусарскіе полки. Затѣмъ войсковые обыватели должны были перейти въ купцы и мѣщане, такъ какъ, въ силу Учрежденія о губерніяхъ, въ Харьковѣ былъ открытъ губернскій магистратъ, распространявшій свою компетенцію лишь на купечество и мѣщанство: а «такъ какъ не можетъ быть правительства, гдѣ нѣтъ подчиненныхъ», то подчиненные и должны были появиться. Получившая дворянскія права казацкая старшина начала исподволь обзаводиться крѣпостными, сначала исключительно великорусскаго происхожденія. Гор. Харьковъ, по отношенію къ соціальному характеру своего населенія, съ Екатерининскими реформами получилъ тѣ черты, которыя подвели его подъ общій типъ русскаго города. Что касается цифры населенія и ея движенія, то можно сказать, что Харьковъ развивался хотя медленно, но правильно. Первая документально извѣстная намъ цифра харьковскихъ черкасъ—587 военнослужившихъ людей, что, по толкованію авторовъ монографіи, составляетъ 1500—1800 жителей; по переписи Хрущева 1732 г., мы имѣемъ въ Харьковѣ около 7¹/₂ тысячъ человѣкъ обоого пола; по даннымъ ревизіи 1785 г. и 1788 г.—нѣсколько больше десяти тысячъ.

Съ первыхъ моментовъ своего возникновенія Харьковъ обнаружилъ опредѣленную тенденцію къ росту и расширенію сферы своего вліянія. Лишь лѣтъ десять или немногимъ больше просуществовалъ Харьковъ какъ казацкій городокъ, управляемый своимъ выборнымъ атаманомъ, который находился, конечно, въ распоряженіи воеводы. Съ 1668 г., несомнѣнно, а можетъ быть и раньше, онъ уже выступаетъ, какъ полковой городъ Харьковскаго полка, выдѣлившагося изъ полка Бѣлгородскаго. Такимъ образомъ Харьковъ дѣлается административнымъ центромъ для двухъ властей: воеводской—московской и полковой—казацкой. Конечно, всяческія столкновенія и недоразумѣнія были неизбѣжны, а когда, съ возникновеніемъ г. Изюма и появленіемъ Изюмскаго полка, исчезъ окраинный характеръ Харькова, правительство нашло возможнымъ, въ 1706 г., уничтожить воеводу. Харьковъ остался центромъ казацкой полковой администраціи съ ея типичнымъ обликомъ: съ шестью, кромѣ полковника, представителями полковой старшины (обозный, судья, эсаулъ, хорунжій, два писаря),

съ полковой радой, съ раздѣленіемъ на сотни, изъ которыхъ каждая воспроизводила въ миниатюрѣ и сокращеніи тотъ же полковой строй. Но выборное начало, характеризовавшее собой исконное казацкое управленіе, скоро было ограничено и замѣнено назначеніемъ. Территорія Харьковскаго полка заключала въ себѣ приблизительно территоріи теперешнихъ уѣздовъ: Харьковскаго, Волчанскаго, Валковскаго, Змѣевского; дѣлилась она, по переписи 1732 г., на 17 сотенъ. Какъ полковой городъ Харьковъ перестаетъ существовать съ 1765 г.; но съ реформой онъ лишь вырастаетъ въ своемъ административномъ значеніи, дѣлаясь губернскимъ городомъ Слободско-Украинской губерніи, заключавшей въ себѣ территорію пяти слободскихъ полковъ: кромѣ Харьковскаго, — Сумской, Ахтырскій, Изюмскій и Острогжскій. Съ учрежденіемъ въ 1780 г. Харьковскаго намѣстничества, для котораго Харьковъ опять-таки былъ центромъ, харьковская территорія еще увеличилась присоединеніемъ части бывшей Бѣлгородской губ. Почти въ тѣхъ же предѣлахъ осталась она и въ 1797 г., когда Харьковское намѣстничество снова было превращено въ Слободско-Украинскую губ.

Но что же представлялъ Харьковъ внутри себя какъ юридическая единица? Заселившіе Харьковъ черкасы имѣли понятіе, вынесенное со своей малорусской родины, о городскомъ самоуправленіи: въ Малороссіи было много городовъ «упривилъеванныхъ», т. е. пользовавшихся магдебургскимъ или инымъ нѣмецкимъ правомъ, выдѣлявшимъ городъ въ автономическую единицу. Но принесли ли они что-нибудь изъ этого европейскаго строя жизни на новую почву — трудно сказать: если и принесли, то во всякомъ случаѣ принесенное тотчасъ же выродилось и исчезло. Когда Харьковъ выступаетъ съ опредѣлившейся фizioноміей, съ начала 18-го в., то онъ выступаетъ, не какъ заключенная въ себѣ единица, а какъ составная часть казацкаго полка, представляющаго собой юридическое лицо. Харьковъ — это двѣ сотни полка, при чемъ сотни эти заключаютъ и казаковъ подгороднихъ слободъ. Извѣстный шагъ къ выдѣленію города изъ территоріи дѣлается лишь съ реформой 1765 г. Городскую самостоятельность представляетъ сначала выборный атаманъ, а съ 1767 г. уже и городской голова; но первое время должность эта была совершенно номинальной. Городскому головѣ нечего было дѣлать, такъ какъ не было городского общества въ томъ спеціальному смыслѣ, какъ это понимало законодательство: войсковые обыватели и бывшая казацкая старшина, хотя и проживали въ Харьковѣ, но не были по закону сословіями городскими. Неопредѣленное положеніе вещей стало приходить къ опредѣленности съ 1780 г. На Харьковъ было распространено то городское устройство, которое введено было въ Россіи Петромъ I-мъ, а затѣмъ расширено и упорядочено Екатериной II — магистратское самоуправленіе. Появляется Городовой Магистратъ, а затѣмъ Общая и Шестигласная дума. Войсковые обыватели, желающіе пользоваться «мѣщанскими выго-

дами», т. е. заниматься торговлей и ремеслами, переписываются въ купечество и мѣщанство; великорусскіе купцы и посадскіе, проживавшіе постоянно въ Харьковѣ, но юридически иногородніе, теперь также приписываются къ Харьковскому городскому обществу. Харьковъ начинаетъ функционировать какъ городъ, въ общерусскомъ смыслѣ этого слова. Но вновь и на скорую руку прилаженный механизмъ дѣйствуетъ на первыхъ порахъ очень туго. То «градское общество» становится въ антагонизмъ къ своему магистрату, то дума къ своему головѣ, то голова къ магистрату; составленіе обывательскихъ книгъ—казалось бы столь простое и вмѣстѣ съ тѣмъ насущно необходимое дѣло—тянется годы, встрѣчая какія-то непреодолимые препятствія, пока волненіе по поводу пріѣзда Екатерины II и желаніе показать, что «подданные наслаждаются ея матерними щедротами» не беретъ верхъ надъ всѣми препятствіями; отношеніе магистрата къ думахъ, отношеніе общей думы къ шестигласной неясны и неопредѣленны; городскіе доходы прилипаютъ къ рукамъ, черезъ которыя проходятъ, и нѣтъ возможности добиться отчетности; мирные и добродорядочные граждане изъ всѣхъ силъ отбиваются отъ чести быть выборными представителями городского самоуправления. Надъ всѣмъ царитъ произволъ администраціи, который не даетъ укорениться и безъ того слабымъ побѣгамъ новыхъ учреждений, вынесшихъ нѣсколько пересадокъ и прививокъ. Губернаторы отдають приказы городскимъ учреждениямъ, совершенно не справляясь съ установленнымъ закономъ предѣлами ихъ взаимной компетенціи; вслѣдъ за губернаторами и чины полиціи позволяютъ себѣ безцеремонно вмѣшиваться въ кругъ вѣдѣнія думы и распоряжаться по произволу. Однимъ словомъ, общая картина положенія городского самоуправления въ концѣ 18-го вѣка такова, что все совершавшееся тогда въ сферѣ городской общественной жизни лишь очень условно можно назвать самоуправленіемъ.

Въ правильномъ соотвѣтствіи со всѣмъ изложеннымъ выше совершалась и эволюція городского хозяйства. Пока Харьковъ былъ полковымъ городомъ, онъ не имѣлъ собственнаго хозяйства, выдѣленнаго изъ полковой территоріи. Не только крѣпостныя сооруженія, но и публичныя зданія, мосты, выравниваніе улицъ—всѣ потребности города удовлетворяются или личнымъ трудомъ всѣхъ сотнянъ Харьковскаго полка, или деньгами изъ полковой казны. Нѣкоторые измѣненія, въ смыслѣ приуроченія извѣстныхъ мѣстныхъ доходовъ къ мѣстнымъ расходамъ, замѣчаются лишь съ половины 18-го вѣка. Но рѣшительный поворотъ наступаетъ лишь съ 1780 г., и въ особенности съ 1785 г., когда въ роли хозяйки города выступаетъ дума: Харьковъ получаетъ свое собственное самостоятельное хозяйство. Но до конца столѣтія оно, это хозяйство, не успѣваетъ приобрѣсти упорядоченный характеръ. Большія затрудненія встрѣтило оно въ установленіи источниковъ дохода. Никакихъ оброчныхъ статей у города не оказалось: лѣса, сѣнокосы, выгоны—все это было или частной собствен-

ностью или общественной собственностью войсковыхъ обывателей, которые, хотя и жили въ Харьковѣ, но юридически стояли внѣ городского общества. Необходимо было прибѣгнуть къ обложенію тѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ харьковскому купечеству и мѣщанству, которые извлекали выгоды изъ торговли и ремеслъ, какъ занятій, по существу, городскихъ: иногороднихъ, иностранцевъ, разночинцевъ. Изъ попытокъ такого обложенія вытекали недоразумѣнія и споры, исходъ которыхъ былъ не всегда въ пользу города, особенно если дѣло касалось лицъ привилегированнаго общественнаго положенія. Безспорными доходами города были сборы съ ярмарочныхъ мѣстъ, съ вѣсовъ, позже—съ городскихъ лавокъ. Но самымъ значительнымъ городскимъ доходомъ была «винная сумма»: городу предоставлено было правительствомъ то, что раньше составляло право каждаго обывателя—курение и шинкованье горѣлки. Такимъ образомъ, въ общей сложности городъ имѣлъ достаточно средствъ, чтобы удовлетворять свои насущные скромные расходы,—тѣмъ не менѣе онъ не удовлетворялъ ихъ. Городскіе доходы были или въ недоимкахъ, или на рукахъ у представителей городской власти и городскихъ учреждений, откуда нельзя было ихъ высвободить. Но главной причиной хронически безнадежнаго разстройства городскихъ финансовъ былъ произволъ администраціи, которая не хотѣла признавать никакой хозяйственной самостоятельности города. На городъ сыпались самыя неожиданныя приказанія со стороны губернатора о такихъ или иныхъ расходахъ, такихъ или иныхъ выдачахъ, и дума, послѣ немногихъ слабыхъ и безуспѣшныхъ попытокъ протестовать, въ концѣ-концовъ была вынуждена безпрекословно повиноваться. Такимъ образомъ, городъ тратилъ свои средства на предметы, не имѣющіе никакого отношенія къ мѣстнымъ городскимъ нуждамъ, иногда даже не касающіеся и нуждъ общегосударственныхъ: приобрѣтеніе колокола, починки часовъ въ губернаторскомъ домѣ, даже заемъ личному знакомому губернатора. При такихъ условіяхъ правильное развитіе городского хозяйства оказывалось невозможнымъ. Но, поскольку можетъ быть рѣчь о его характерѣ, то слѣдуетъ признать, что органы яко бы городского самоуправления значительно меньше служили своимъ собственнымъ, мѣстнымъ городскимъ нуждамъ, чѣмъ нуждамъ общегосударственнымъ, а также прихоти и произволу мѣстной администраціи.

При такомъ положеніи дѣла является довольно естественнымъ, что городское благоустройство, понимаемое какъ въ узкомъ смыслѣ—чистоты, удобопроходимости улицъ и т. п., такъ и въ болѣе широкомъ—полиціи пожарной, торговой, санитарной, медицинской, все это было дѣломъ рукъ правительства и администраціи, а не обывателей или городскихъ учреждений, игравшихъ въ этомъ отношеніи самую незначительную и пассивную роль. Всегда хозяйственное московское правительство еще харьковскимъ воеводамъ предписывало, чтобы «все отъ огня было бережно». Городъ, застроенный соломенными хатами, плетнями, хлѣбными гумнами,

такъ часто и жестоко страдалъ отъ пожаровъ, что даже полковое казачье управленіе, понуждаемое правительствомъ, завело кое-какой пожарный обозъ и наложило на жителей, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ предохранительныхъ мѣръ (не топить хатъ лѣтомъ, не зажигать огня вечеромъ и т. п.), повинность являться на пожаръ и держать при хатахъ бочки съ водой и др. снаряды; къ предохранительнымъ мѣрамъ относился рядъ мѣръ, направленныхъ противъ подозрительныхъ людей, въ которыхъ усматривали «паліевъ». Но обыватели видимо не были расположены итти навстрѣчу какому-либо начинанію начальства по отношенію къ противопожарнымъ мѣрамъ и плохо исполняли даже прямые приказанія. Съ реформами Шербинина 1765 г., и въ особенности съ учрежденіемъ намѣстничества, администрація рѣшительно беретъ на себя заботу о тушеніи пожаровъ: появляется въ Харьковѣ постоянная пожарная команда съ своими лошадьми и пожарными. Но если Харьковскіе обыватели не проявляли никакого желанія содѣйствовать властямъ въ дѣлѣ такого очевиднаго и насущнаго интереса всѣхъ и каждаго, какъ пожары, то тѣмъ менѣе можно было ждать отъ нихъ заботы о чистотѣ улицъ, осушиваніи городской территоріи, мощеніи ея. Все, что дѣлалось въ этомъ отношеніи въ казачій періодъ исторіи Харькова, дѣлалось по настоянію «генералитета», какъ вещь, совсѣмъ не нужная харьковскимъ обывателямъ, а лишь случайно потребная лицамъ этого генералитета. Появляется въ Харьковѣ по обязанностямъ службы какой-нибудь военный генераль и требуетъ, чтобы на топкихъ мѣстахъ были гати и черезъ протоки—мостки («дабы артиллерію безъ надорванія лошадей провозить было можно» или «чтобы не было совершенной гибели лошадямъ»),—и вотъ появляются мостки и гати до новаго требованія. Правильная забота о городскомъ благоустройствѣ наступаетъ опять-таки лишь съ реформой, когда начинается рытье канавъ для просушки городской территоріи, крайне грязной и болотистой; за рытьемъ канавъ является забота о мощеніи города на первый разъ фашинникомъ и пескомъ. Пріѣздъ Екатерины значительно содѣйствовалъ городскому благоустройству, хотя больше съ показной его стороны. Но, не смотря на все это, состояніе города, какъ съ точки зрѣнія удобствъ, такъ и въ отношеніи санитарномъ, было крайне плачевное. Обыватели старались, съ своей стороны, сдѣлать изъ города, и безъ того очень невыгодно расположеннаго, нѣчто отвратительное. На улицахъ валялись навозъ и падалъ; рѣки, перехваченныя плотинами, представляли собой «навозную настойку»; отъ зловонія во многихъ мѣстахъ «едва было пройти можно». Время отъ времени «для болѣзненныхъ припадковъ», т. е. ради эпидемій, поднималась генеральная чистка; но результаты ея быстро поглощались обычной неряшливостью харьковского обывателя. Сколько-нибудь правильная забота о санитарномъ состояніи города наступаетъ только съ конца 18-го в., съ учрежденіемъ въ 1796 г. врачебной управы. Лишь по отношенію къ одной сторонѣ

городской жизни проявил заботу казацкій Харьковъ—это по отношенію къ урегулированію отношеній торговыхъ: еще до реформы 1765 г. полковныя учрежденія заботились о введеніи казенныхъ мѣръ и вѣсовъ, установлена такса на сѣбтные припасы, сдѣланы ограниченія по отношенію времени продажи горячихъ напитковъ и т. п. Рано давалъ себя чувствовать торговый характеръ Харькова съ его «знатными четырьмя ярмарками». Полковой Харьковъ не имѣлъ никакихъ специальныхъ органовъ полицейской власти, функціи которой, въ видахъ удовлетворенія потребностей данного момента, поручались то тому, то другому полковому чиновнику. Лишь съ учрежденіемъ губерніи появляется специальная полиція, въ видѣ комиссаровъ съ фартальными приставами, а намѣстничество ставитъ во главѣ полиціи городничаго. Къ этому только времени относится появленіе обывательской полиціи, въ видѣ десятскихъ и сотскихъ, составлявшей натуральную повинность обывателей.

Харьковское градостроительство еще разъ и наглядно воспроизводитъ тѣ же общія черты несложной исторіи города. Черкасы, раскинувшись своими дворами внѣ крѣпости, думали единственно о просторѣ и привычныхъ удобствахъ, а не о правильности или красотѣ поселенія: каждому нуженъ былъ просторный дворъ съ огородомъ, садомъ, левадой. Такимъ образомъ, казацкій Харьковъ былъ исключительно деревянный и соломенный и при томъ вполнѣ безпорядочный. Тѣ общественныя сооруженія, о которыхъ прежде всего заботились обыватели, т. е. церкви, также были маленькія и деревянные, при чемъ черкасы, по донесенію въ Москву мѣстнаго воеводы, молились «бумажнымъ листамъ своему литовскому письму и стѣнамъ». Но уже въ 1688 г. Успенская церковь въ крѣпости перестраивается въ каменную, вскорѣ является и еще каменная церковь—Покровская, а постепенно и внѣ крѣпости строятся каменные церкви. Однимъ словомъ, къ концу казацкаго періода исторіи Харькова въ немъ было четыре каменныхъ церкви и каменное же зданіе коллегиума: всѣ остальные зданія, казенныя и общественныя, какъ-то—братерскіе дома, шпитали, школы и лавки, уже не говоря о частныхъ домахъ—все было деревянное. вмѣстѣ съ учрежденіемъ губерніи, является попытка и распланировать городъ. Конечно, распланировка эта не могла быть легкимъ дѣломъ: она вызывала массу споровъ, недоразумѣній, жалобъ, поводовъ къ притѣсненіямъ—съ одной стороны, къ попустительству—съ другой. вмѣстѣ съ тѣмъ центръ города началъ застраиваться общественными зданіями, между которыми первое мѣсто занималъ губернаторскій домъ. Открытіе намѣстничества дало поводъ къ устройству большого количества присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ зданій. Къ пріѣзду Екатерины мѣстная администрація постаралась придать городу возможно благообразный видъ, но лишь при посредствѣ разныхъ эфемерныхъ сооружений и приспособленій, которыя дорого обошлись городу и тяжело отразились на многихъ обывателяхъ, но мало оставили послѣ

себя чего-нибудь существеннаго. Однимъ словомъ, къ началу 19-го столѣтія въ Харьковѣ была правильно распланирована и по-городски обстроена центральная часть, т. е. часть, соотвѣтствовавшая замку, но даже улицы, ближайшія къ центру, какъ напр., Благовѣщенская, были еще покрыты хатами съ соломенными крышами, а дальше все представляло лишь «дворы крестьянъ-хлѣбопашцевъ», по выраженію губернатора Теплова.

Харьковъ очень рано—еще въ 17-мъ в.—выступаетъ какъ торговый центръ для обширной территоріи; но все-таки это не было его первоначальнымъ характеромъ. Черкасское населеніе, расположившись въ Харьковѣ, прежде всего является населеніемъ земледѣльческимъ. Оно широко пользуется своимъ правомъ «вольной заимки», захватываетъ обширные участки, устраиваетъ на нихъ хутора и пасѣки. Обиліе хлѣба тотчасъ же вызываетъ широкое развитіе винокуренія, право на которое было также предоставлено слободскимъ черкасамъ. Занимались винокурениемъ и шинкованіемъ всѣ, кто имѣлъ возможность, и на первомъ планѣ, въ дореформенный періодъ, казацкая старшина, а позже всякіе гражданскіе и военные чины; собственные шинки имѣли церкви, священно-и церковнослужители. Сбывалась горѣлка на югъ, на Донъ и въ Запорожскую Сѣчь, въ разныя мѣстности Малороссіи и Новороссіи. Въ связи съ развитіемъ хлѣбопашества стояло еще мельничество, представлявшее собой и въ тѣ времена въ Харьковѣ уже особый промыселъ. Затѣмъ необходимо указать на раннее развитіе ремесла и мелкаго домашняго, или кустарнаго, промысла; нѣкоторые виды этого промысла составляли специальность харьковского населенія, какъ напр.: копарство (коць—коверъ), рымарство, приготовленіе лемешей и чересель. Но самое выдающееся явленіе экономической жизни Харькова, конечно, составляла его торговля. Она начала развиваться сначала лишь на почвѣ обилія мѣстности хлѣбомъ, скотомъ, горѣлкой въ связи съ относительнымъ многолюдствомъ города: уже въ 1659 г., т. е. спустя лишь нѣсколько лѣтъ по заселеніи Харькова, учреждается первая изъ четырехъ его ярмарокъ. Первоначальный характеръ торговли хорошо опредѣляется словами академика Зуева, сказанными имъ въ примѣненіи къ пореформенному времени, но тѣмъ болѣе примѣнимыми ко времени дореформенному: «Каждый почти изъ жителей есть и обыватель, и пахарь, и купецъ, и садовникъ, и службу отправляющій житель». Но торговля всегда имѣетъ тенденцію къ выдѣленію и обособленію. Велико-русскій элементъ является для Харькова специальнымъ представителемъ торговаго промысла: присутствіе его устанавливается данными переписи Хрущева 1732 г. Вообще, дальнѣйшій ростъ Харькова, какъ торговаго центра, находится въ связи съ крупными измѣненіями торговыхъ путей—въ зависимости отъ политическихъ измѣненій, какія принесъ съ собой для русскаго государства 18-й вѣкъ: морская торговля черезъ Петербургскій и Рижскій порты отодвигаетъ на второй планъ старую сухопутную торговлю съ Германіей, заселеніе Новороссіи придвинуло Россію къ

31878

берегамъ Азовскаго и Чернаго морей и ослабило старое значеніе Малороссіи для торговли съ азіатскимъ югомъ. Въ перестраивающейся сѣти торговаго движенія Харьковъ оказался благопріятно расположеннымъ въ качествѣ транзитнаго узла между сѣверомъ и югомъ, и дальнѣйшій его ростъ опредѣлялся уже этимъ условіемъ. Азовскіе и черноморскіе порты, съ одной стороны, Москва, Тула, Суздаль, Павловскъ, съ другой,—вотъ точки той окружности, для которой Харьковъ оказывался центромъ, по обстоятельнымъ даннымъ о харьковскихъ ярмаркахъ 1779 г.; прибавимъ къ этому Силезію, Данцигъ, Лейпцигъ, съ которыми изстари торговала Малороссія, доставлявшая теперь ихъ товары въ Харьковъ. Необходимо отмѣтить, что развитіе Харьковской торговли шло параллельно съ усиленіемъ въ Харьковѣ великорусскаго элемента, представителемъ котораго являлось болѣе подвижное, опытное и умѣлое великорусское купечество. Общій характеръ харьковского населенія, съ экономической точки зрѣнія, выражался въ концѣ 18-го в. слѣдующими статистическими данными: 47% всего населенія составляли ремесленники, 18% — хлѣбопашцы, 14% — купцы. Но къ этимъ даннымъ, извлеченнымъ изъ свѣдѣній 1794 г., необходимо сдѣлать такое дополненіе. Если, по свѣдѣніямъ 1780 г. 70% населенія занималось земледѣіемъ, то надо думать, что и въ 1794 г. занималось земледѣіемъ значительно больше 18%, только земледѣіе уже сдѣлалось для нихъ не главнымъ, какъ раньше, а второстепеннымъ, подсобнымъ занятіемъ. Настолько ослабѣлъ, но не сгладился окончательно первоначальный земледѣльческій характеръ Харькова къ началу 19-го вѣка.

Когда черкасы поселились на харьковской территоріи, то первое время они пользовались не только свободой отъ всѣхъ повинностей, кромѣ своей специальной, военной, но имъ предоставлено было ради ихъ «иноземчества» льготы по всякимъ ихъ промысламъ: «чтобъ имъ было съ чего великаго государя полковая служба служить». Но и полковая служба, которую отбывало относительно небольшое число «заможнѣйшихъ», и городова, или осадная, лежавшая на остальныхъ, были не легки, а, главное, дѣлались все труднѣе. Становясь на путь все усложняющихся политическихъ отношеній, государство не стѣснялось предъявлять все усиливающіяся требованія къ новымъ поселенцамъ. Отъ допетровскихъ крымскихъ походовъ харьковскіе казаки перешли къ тѣмъ отдаленнымъ и крайне труднымъ для нихъ походамъ, какіе вызывала Сѣверная война. Но наибольшимъ обремененіемъ служили все-таки не походы, а различные «командираціи», которыя начинаются съ Петра: работы на Ладожскомъ каналѣ, сооруженіе украинской линіи. Здѣсь харьковскіе казаки, наряду съ остальнымъ слободско-украинскимъ и малорусскимъ казачествомъ, отбывало, при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ, тяжелую черную работу. Не въ лучшемъ положеніи была и та большая часть харьковского казачества, которая оставалась дома, — «городская». По отношенію къ казакамъ полковой службы, выборнымъ, она играла роль

подпомощниковъ, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ для службы, замѣняя ихъ въ случаѣ нужды и т. п.; но, помимо этого, на нихъ лежала обязанность строить крѣпость, устраивать въ районѣ города мосты, перевозки и гати, строить и ремонтировать казенныя зданія, отправлять почтовую повинность и, наконецъ, нести повинность постоянную, всегда тягостную, но въ военное время прямо невыносимую. Надо оговориться, впрочемъ, что повинность почтовая, какъ и устройство и ремонтровка крѣпости, мостовъ, зданій, лежала не на однихъ харьковцахъ, а на сотнянахъ всего Харьковскаго полка; но легко представить себѣ, что харьковский обыватель несравненно сильнѣе чувствовалъ тягость всякой подобной натуральной повинности, по сравненію съ сотнянами отдаленныхъ сотенъ, свободными отъ непосредственнаго давленія со стороны власти имѣющихъ. Повинности кореннымъ образомъ измѣнились съ учрежденіемъ губерніи: исчезъ ихъ старый военный характеръ, и отчетливо выступило стремленіе къ замѣнѣ натуральныхъ повинностей денежными. Обыватели Харькова тотчасъ же были обложены «подушнымъ». Но нѣкоторыя натуральныя повинности остались въ прежней силѣ, и между ними на первомъ планѣ — повинность постоянная. Она была чрезвычайно обременительна, такъ что харьковскіе горожане буквально изнемогали подъ ея бременемъ, еще усиливавшимся вслѣдствіе того произвола, какой вносила въ его примѣненіе мѣстная администрація. Со времени введенія Положенія о городахъ дума стремится облегчить тяжесть положенія пріобрѣтеніемъ специальныхъ домовъ для постоя. Это стѣбитъ ей большихъ денегъ и хлопотъ и мало приноситъ пользы обывателямъ, опять-таки въ силу того же произвола, который расширяетъ предѣлы повинности по своему усмотрѣнію, требуя отъ обывателей иногда даже помѣщенія для проѣзжихъ, являющихся въ городъ по своимъ надобностямъ. Учрежденіе намѣстничества усиливаетъ повинности какъ окладныя, такъ и не окладныя, и на общегосударственныя и на мѣстныя городскія надобности. Усиленіе ощущалось тѣмъ чувствительнѣе, что къ этому времени почти окончательно исчезли старыя льготы, которыми пользовалось нѣкогда населеніе города: свобода винокуренія, а затѣмъ и шинкованія, право безпошлинной торговли.

Одной изъ любопытнѣйшихъ страницъ жизни г. Харькова является развитіе его просвѣщенія. Началось оно не съ пустого мѣста, какъ бы это можно было предполагать: харьковскіе черкасы принесли съ собой, со своей малорусской родины, не только опредѣленное стремленіе къ просвѣщенію, но и тѣ учрежденія, которыя служили для удовлетворенія этого стремленія. При каждой изъ вновь возникающихъ церквей появляется школа, точнѣе сказать, — появляется братство, которое беретъ на свое попеченіе всѣ три члена одного сложнаго учрежденія: церковь, школу и шпиталь. Школы эти были, конечно, элементарныя, съ извѣстной программой и установившимися приемами — «дьяковскія школы». По

даннымъ Хрущовской переписи 1732 г., въ Харьковѣ было пять такихъ школъ, что даетъ 1 учащагося на 50 человекъ. Но уже въ казакій періодъ своей исторіи Харьковъ обзавелся и высшимъ учебнымъ заведеніемъ: во второй четверти 18-го в. перенесена сюда изъ Бѣлгорода архіерейская школа, извѣстная далѣе подъ именемъ Харьковского коллегіума. Коллегіумъ былъ представителемъ опять-таки извѣстнаго южно-русскаго типа высшей школы съ схоластическимъ и какъ бы специально духовнымъ характеромъ программы, но съ всеословнымъ контингентомъ учащихся. Губернская реформа отозвалась появленіемъ при коллегіумѣ въ 1768 г. такъ называемыхъ Прибавочныхъ классовъ, которые, по характеру преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ, приспособлялись исключительно для свѣтскаго юношества, главнымъ образомъ, дѣтей казачьихъ старшины, которымъ предстояла государственная служба въ новыхъ губернскихъ учрежденіяхъ. Въ силу Екатерининской школьной реформы, въ Харьковѣ было открыто въ 1784 г. Главное Народное училище, съ которымъ и слились Прибавочные классы (иначе—Казенное училище), какъ приближающіеся по характеру и объему программы. Кромѣ Главнаго, были открыты въ Харьковѣ два Малыхъ народныхъ училища. Что сталося со старыми дяковскими школами—неизвѣстно; въ концѣ 18-го в. мы еще видимъ одну изъ нихъ при Троицкой церкви. Коллегіумъ обратился въ духовную семинарію. Такимъ образомъ, и по отношенію къ просвѣщенію губернская реформа имѣла рѣшающій характеръ, въ смыслѣ поворота на иной путь тѣхъ просвѣтительныхъ начинаній, какія имѣли мѣсто и въ казачьей Харьковѣ. Просвѣщеніе приняло тотъ научно-утилитарный, практическій, и вмѣстѣ съ тѣмъ общерусскій характеръ, какой стремился ему придать Петръ Великій, а за нимъ и Екатерина II, преслѣдовавшіе прежде всего общегосударственныя цѣли.

Выдающимся представителемъ мѣстной интеллектуальной жизни во второй половинѣ 18-го в.—имѣющимъ свои корни какъ по отношенію къ своему происхожденію, такъ и по отношенію къ своей научной подготовкѣ и типу своего мышленія въ специально южно-русской культурной стихіи—является Г. С. Сковорода. Какъ городъ Харьковъ былъ локальнымъ просвѣтительнымъ центромъ для обширной слободско-украинской территоріи, такъ Сковорода былъ для нея же просвѣтительнымъ центромъ, личнымъ и подвижнымъ. Нѣкоторое непродолжительное время онъ преподавалъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ и Прибавочныхъ классахъ; затѣмъ часто проживалъ въ Харьковѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ и имѣлъ самое дружеское общеніе со многими изъ харьковскихъ обывателей и выдающихся мѣстныхъ дѣятелей. Трудно привести къ какой-нибудь положительной оцѣнкѣ всю ту совокупность вліяній, какую оказывалъ Сковорода на умственную и нравственную личность современнаго ему харьковскаго обывателя; но несомнѣнно, что оцѣнка эта не должна быть низкой.

Просвѣщеніе, которое распространялось изъ Харькова на его терри-
торію, было не только умственнымъ, но и эстетическимъ. «Классы», иначе
«Казенное училище», вносили въ свою программу также и музыку, жи-
вопись, скульптуру, архитектуру. Проявленіемъ развивающихся эстети-
ческихъ потребностей общества обыкновенно является театръ. Есть осно-
ванія предполагать, что въ Харьковѣ еще въ казацкій періодъ его исторіи
давались при Коллегіумѣ такъ называемыя «вертепныя драмы», какъ
это вообще было принято въ южно-русскихъ просвѣтительныхъ учрежде-
ніяхъ этого рода. Но съ театромъ современнаго типа мы встрѣчаемся
лишь въ концѣ столѣтія. Сначала онъ имѣлъ видъ любительскихъ спек-
таклей; но съ 1789 г. устраивается нѣчто въ родѣ настоящаго театра, съ
постояннымъ казеннымъ помѣщеніемъ въ такъ называемомъ намѣстни-
ческомъ залѣ, но съ любительской труппой, набравшейся администра-
тивной властью по наряду изъ служащихъ молодыхъ чиновниковъ. Поне-
много появились и профессиональные актеры, а потомъ даже и актрисы.
Ставились комедіи и драмы, переводныя и оригинальныя, Княжнина,
Сумарокова и др., Недоросль Фонъ-Визина, оперетты. Вообще, можно ска-
зать, что театръ процвѣталъ въ Харьковѣ; но смерть Екатерины II и
наступленіе мрачной Павловской эпохи пріостановили развитіе харьков-
скаго театра, который на время прекратилъ свое существованіе.

Параллельно съ измѣненіемъ правовыхъ и экономическихъ условій,
въ какихъ обращалась жизнь харьковского обывателя, съ измѣненіемъ и
ростомъ духовной культуры харьковского общества, происходили измѣ-
ненія и въ формахъ культуры матеріальной. Однородная по типу обста-
новка жизни 17-го вѣка проявила ясные признаки дифференціаціи уже
и въ первой половинѣ 18-го вѣка. Казацкая старшина, выдѣлившись изъ
массы и утвердившись въ своей привилегированной обособленности,
создавала себѣ жизненную обстановку, подчеркивавшую эту обособлен-
ность. Но все-таки разница въ жизненномъ укладѣ между высшимъ и
низшимъ слоемъ населенія была пока больше количественная, чѣмъ
качественная. Настоящая же качественная разница наступила лишь съ
преобразованіемъ Харькова изъ полкового города въ губернской, а въ
особенности въ главный городъ харьковского намѣстничества, когда въ
немъ водворился относительно большой контингентъ русскаго чиновни-
чества. Одновременно съ увеличеніемъ значенія Харькова, какъ админи-
стративнаго центра, растетъ и его торговое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ
усиливается здѣсь великорусскій купеческій элементъ. Общерусское чи-
новничество и великорусское купечество создаютъ въ Харьковѣ совсѣмъ
иную культурную атмосферу. Мѣстное дворянство, и безъ того сильно
наклонное къ сліянію съ дворянствомъ русскимъ, находитъ большую
поддержку этому стремленію въ создавшейся новой культурной атмо-
сферѣ. Такимъ образомъ, высшій слой харьковского общества культурно
отдѣляется отъ низшаго, представляемаго главнымъ образомъ мѣщан-

ствомъ и цеховыми: этотъ низшій слой продолжаетъ пока въ неприкосновенности старую традицію малорусской жизни. Въ концѣ 18-го стол. онъ еще живетъ въ томъ же жизненномъ укладѣ, какой вынесенъ имъ съ малорусской родины,—конечно, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, въ зависимости отъ мѣстныхъ экономическихъ условій: жилище, одежда, пища, обычаи и обряды—все это еще чисто малорусское. Достаточно вспомнить «Сватанне на Гончарівці» и др. произведенія Квитки-Основьяненка, которыя воспроизводятъ жизнь и нравы харьковского обывателя.

Харьковскіе черкасы принесли съ родины свои собственные черты религіозной культуры, опиравшіяся на нѣкоторыя особенности—исторически развивавшіяся и укрѣпившіяся—западно-русской православной церкви. Здѣсь, на почвѣ Слободской Украины, этимъ особенностямъ пришлось столкнуться съ крѣпкимъ укладомъ восточнаго, московскаго, православія. Харьковъ вошелъ-было сначала въ составъ Патріаршей области, но вскорѣ, по основаніи Бѣлгородской епархіи, отнесенъ къ этой епархіи, въ которой и состоялъ до самаго конца разсматриваемой эпохи. Религіозныя особенности, проявляемыя черкасами, представлялись москвитянамъ, какъ видно изъ воеводскихъ донесеній, «маловѣріемъ, ложью». Бѣлгородскіе владыки преслѣдовали обычай крещенія черезъ обливаніе, а не погруженіе, также западно-русскія церковныя книги, нѣкоторые мѣстные праздники и обряды, представлявшіеся имъ языческими. Но главной почвой для столкновеній было принесенное малоруссами съ ихъ родины отношеніе прихода къ духовенству, разнящееся отъ того, какое выработалось въ Московскомъ государствѣ. Въ Южной Руси приходъ считалъ себя въ правѣ распоряжаться всею своими церковными дѣлами, начиная съ найма священника; церковное братство было, такъ сказать, духовнымъ органомъ прихода. Такія братства существовали въ Харьковѣ со всею ихъ обычными особенностями—братскими столами и медами, братскими дворами, шпиталями и школами. Конечно, церковная власть, опиравшаяся на государство, должна была взять верхъ надъ «черкасскими обыкновениями».

Изъ всего изложеннаго выше ясно, что монографія г.г. Багалѣя и Миллера представляетъ намъ исторію Харькова XVII—XVIII в.в. со всехъ тѣхъ сторонъ, какія входятъ въ научно принятое опредѣленіе понятія жизни исторической. Но, удовлетворяя научнымъ требованіямъ формально, она удовлетворяетъ имъ и по существу: все стороны жизни города, разсматриваемыя монографіей, даютъ въ своей совокупности одну общую схему развитія, свободную отъ внутреннихъ противорѣчій или несоотвѣтствій. Достиженіе такихъ результатовъ представляетъ тѣмъ большее достоинство монографіи, что трудъ этотъ исполненъ, какъ уже сказано выше, почти исключительно на основаніи сырого матеріала. Но это-то именно обстоятельство, дающее такую исключительную цѣну монографіи, и является источникомъ одного ея недостатка. Недостатокъ этотъ заключается во внесеніи

въ нѣкоторыя главы такого количества сырого матеріала, которое, сильно затрудняя чтеніе монографіи большою публикой, въ то же время не оправдывается и научными требованіями полноты и ясности. Укажу, напр., на главу: «Экономическій бытъ—промыслы, торговля, ремесла». Несомнѣнно, она значительно выиграла бы въ интересѣ, если бы весь тотъ матеріалъ, какой она заключаетъ, былъ разработанъ, сгруппированъ и сведенъ къ опредѣленнымъ положеніямъ, а не приведенъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ онъ находится въ источникахъ, при чемъ мы не имѣемъ даже и сравнительной критической оцѣнки этихъ источниковъ. Если имѣются свѣдѣнія объ ярмарочной или постоянной торговлѣ Харькова за 1779 г., 1785 г., 1787 г., 1788 г., то едва ли могутъ быть какія-либо методологическія препятствія сдѣлать сводку этихъ матеріаловъ, которая бы съ экономіей и пользой для дѣла замѣнила многія страницы матеріала, приведеннаго *in extenso*. Въ такой же сводкѣ нуждаются свѣдѣнія о шинкованіи и винокурении. Врядъ ли также оправдывается научными требованіями перечисленіе вѣса винокуренныхъ котловъ у всѣхъ владѣльцевъ, поименное перечисленіе всѣхъ владѣльцевъ лавокъ, шинковъ, наконецъ, голое перечисленіе цѣнъ на всѣ товары, привозимые на харьковскія ярмарки. Точно также въ главѣ 14-й «Домашній бытъ и нравы» не сведенное перечисленіе предметовъ, входившихъ въ составъ имущества трехъ харьковскихъ полковниковъ, несомнѣнно, представляетъ собою сырой матеріалъ, по существу неудобно-усваиваемый, — слѣдовательно, такой, который долженъ быть изгнанъ со страницъ изданія, разсчитывающаго быть изданіемъ не научно-справочнымъ, а научно-литературнымъ. Вообще можно замѣтить, что авторы, по какимъ-то не выясненнымъ причинамъ, не пользовались тѣмъ техническимъ приѣмомъ, который обычно примиряетъ выгоды обыкновеннаго образованнаго читателя съ выгодами специально заинтересованнаго человека, нуждающагося для своихъ цѣлей не только въ выводахъ, но и въ источникахъ — вынесеніемъ матеріала изъ текста въ примѣчанія и приложения. Не могу также не указать, что глава 2-я — «Топографія Харькова» — очень выиграла бы въ интересѣ и ясности, если бы нѣкоторыя топографическія описанія получили характеръ примѣчаній къ приложеннымъ планамъ.

По отношенію къ содержанію труда и его выводамъ, имѣю указать слѣдующій одинъ недостатокъ. Въ нѣсколькихъ главахъ авторамъ приходится касаться вопроса о социальной группировкѣ харьковскихъ черкасъ въ 17-мъ вѣкѣ: въ гл. 3-й — «Составъ и движеніе населенія», въ гл. 5-й — «Городское самоуправленіе», въ гл. 6-й — «Городское хозяйство» и въ гл. 10-й — «Повинности». Въ главѣ 10-й вопросъ объ этой группировкѣ рѣшается опредѣленно и ясно, и, какъ можно думать, вполне правильно. Конечно, харьковскіе черкасы въ 17-мъ вѣкѣ дѣлились только на двѣ группы, какъ принимаетъ гл. 10-я, — людей полковой службы и мѣщанъ — людей службы городской, при чемъ разница между этими группами была не

правовая, а лишь фактическая, вытекавшая из разной степени их «замощности», а следовательно, и способности нести ту службу или другую. Но, въ то время какъ въ главѣ 10-й устанавливается категорически вышеизложенная точка зрѣнія на вопросъ, въ главахъ 5-й и 6-й терминъ «мѣщане» выступаетъ съ инымъ значеніемъ, въ связи съ тѣми юридическими опредѣленіями, какія развились на почвѣ западно-русскихъ правовыхъ отношеній. Но здѣсь пока дѣло идетъ только о неясности, которая можетъ быть устранена соответствующими разъясненіями. Рѣшительно же запутывается вопросъ, если мы привлечемъ главу 3-ю—«Составъ и движеніе населенія». Здѣсь первоначальная социальная группировка харьковскаго населенія представляется совсѣмъ иначе, такъ что ее нельзя привести къ единству съ утвержденіями главъ послѣдующихъ: дѣло идетъ уже не о неясности, а о полномъ противорѣчій, о двухъ отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга рѣшеніяхъ. Очевидно, мы наталкиваемся здѣсь на невыгодное для труда проявленіе дуализма авторской личности.

Наконецъ, мы встрѣчаемся кое съ чѣмъ, возбуждающимъ недоразумѣніе. еще въ главѣ 1-ой—«Основаніе города Харькова». Здѣсь авторъ выводитъ названіе города Харькова изъ имени «перваго харьковскаго осадчаго Ивана Каркача»; но какъ примиряется подобное утвержденіе съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, приводимымъ и авторомъ въ той же главѣ, что въ книгѣ Большого Чертежа, составленной за полвѣка до Ивана Каркача, упоминается «рѣка Харькова»?

Вотъ все тѣ отрицательныя стороны разсматриваемой работы, которыя я могу отмѣтить; о ея положительныхъ сторонахъ, о ея выдающихся достоинствахъ—я уже говорила. Здѣсь мнѣ остается только сформулировать сказанное, расширить его и дополнить.

Разсматриваемая работа представляетъ собой по отношенію къ матеріалу нѣчто совершенно новое. Вся она, почти безъ исключенія, основывается на матеріалѣ, добытомъ самими авторами изъ многихъ архивовъ. Не часто въ научной литературѣ можно встрѣтить произведеніе, настолько обработанное, какъ настоящая монографія, и въ то же время представляющее работу по первоисточникамъ, гдѣ авторамъ пришлось обходиться почти безъ всякихъ научныхъ пособій. Надо принять во вниманіе еще и то, что, по конкретному характеру темы, авторы должны были обхватывать одновременно цѣлый большой комплекс сторонъ и явленій, что, конечно, крайне усложняло подготовительную работу.

Цѣнность же всего новаго, что даетъ разсматриваемый трудъ, обуславливается слѣдующими соображеніями. Монографія «Городъ Харьковъ въ XVII—XVIII» есть единственный трудъ въ своемъ родѣ, такъ какъ ни одинъ русскій городъ не имѣетъ подобной цѣльной и законченной исторіи, дѣйствительно заслуживающей названіе исторіи. Удовлетворяя потребности мѣстнаго культурнаго общества знать свое прошлое, она имѣетъ и теоретическое, научное значеніе, независимо отъ этого ея, такъ

сказать, прикладного, практического характера. Лишь на фундаментъ трудовъ, аналогичныхъ разсматриваемому, можетъ возникнуть будущая научная исторія русскаго города. Исходя изъ общихъ соображеній, можно предполагать, что исторія эта сведется къ установленію нѣсколькихъ типовъ, объединяемыхъ той общей ролью, какую играло государство въ эволюціи этихъ типовъ. Если это такъ, то Харьковъ, въ его исторіи, выясненной настоящимъ трудомъ, долженъ явиться представителемъ опредѣленнаго и значительнаго по своей распространенности типа города окраиннаго. Но среди прочихъ окраинныхъ городовъ исторія Харькова, какъ представителя городовъ слободско-украинскихъ, имѣетъ еще свой специфическій научный интересъ въ томъ, что на его почвѣ столкнулись двѣ русскія народности и самая характерная черта его эволюціи опредѣляется именно этимъ столкновеніемъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что высшая премія, назначенная Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ, должна принадлежать именно «Исторіи города Харькова».

А. Ефименко.

Проф. П. МИГУЛИНЪ.

Рецензія на книгу Ф. А. Щербины „Крестьянскіе бюджеты, Воронежъ 1900 г.“, представленную на соисканіе преміи имени ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

730 с.

Книга г. Щербины — обширное экономическое и статистическое изслѣдованіе, объемомъ въ 240 — 476 стр., посвященное вопросу о крестьянскихъ бюджетахъ преимущественно Воронежской губ. По справедливому замѣчанію автора, бюджетныя изслѣдованія, несомнѣнно, статистика будущаго, позволяющая проникнуть изслѣдователю въ самые сложные внутренніе процессы семьи, — первообразъ общественныхъ формъ, а отсюда положить фундаментъ для правильнаго научнаго изученія статистики и динамики человѣческихъ отношеній. Слѣдовательно, научное изученіе бюджетовъ есть важнѣйшая подготовительная работа для будущихъ научныхъ обобщеній и построеній, — работа тяжелая и неблагодарная, еще болѣе осложненная несовершенствомъ и ничтожнымъ количествомъ имѣющагося для разработки надежнаго матеріала. Г. Щербина первоначально предполагалъ разработать бюджеты крестьянъ исключительно Воронежской губ., дополнивъ ихъ печатнымъ матеріаломъ, касающимся крестьянскихъ бюджетовъ другихъ губерній; но матеріалы эти оказались столь далеки отъ полноты и точности, что автору пришлось для сравненія привлечь бюджеты киргизъ-кочевниковъ и семей западно-европейскихъ и американскихъ рабочихъ. Отсюда матеріалы автора носятъ нѣсколько случайный характеръ, мѣшая часто возможности сдѣлать надлежащіе научные выводы, а заглавіе книги не соотвѣтствуетъ ея содержанію: послѣднее и уже и шире перваго, такъ какъ, съ одной стороны, сюда вошли только бюджеты крестьянъ Воронежской губ. (по другимъ губерніямъ — матеріалъ случайный, неполный и только въ интересахъ сравнительнаго метода), съ другой же стороны — бюджеты классовъ населенія, ничего общаго съ нашими крестьянами не имѣющихъ и принадлежащихъ къ государствамъ, слишкомъ далеко опередившимъ насъ въ своемъ культурномъ развитіи. При всемъ томъ, книга г. Щербины у насъ первая серьезная попытка научной разработки бюджетовъ, наиболѣе полная, подробная и тщательная, построенная преимущественно на изученіи первоисточника.

Книга г. Щербины состоитъ изъ двухъ частей:

1) Самаго текста, посвященнаго крестьянскимъ бюджетамъ, и 2) таблицъ. Первая часть начинается обширной *главой*, посвященной исторіи бюджетныхъ изслѣдованій въ Россіи, по мнѣнію автора, страдающихъ крайней разрозненностью и отсутствіемъ общаго плана, но въ то же время дающихъ огромный и важный матеріалъ для специалистовъ. *Вторая* глава посвящена бюджетнымъ изслѣдованіямъ въ иностранныхъ государствахъ, при чемъ авторъ для своего изложенія пользуется извѣстной книгой *Энгеля: Die Lebenskosten belgischer Arbeiter*, указывая на недостаточность и несовершенство иностранныхъ бюджетныхъ изслѣдованій такъ же, какъ и русскихъ. Въ *третьей* главѣ даются общія понятія о бюджетахъ рабочихъ семействъ, при чемъ авторъ основательно подъ бюджетомъ понимаетъ бюджетъ, обнимающій три группы явленій: составъ семьи, составъ имущества и годовые приходы и расходы въ денежной и натуральной формахъ (стр. 71). Чрезвычайное значеніе авторъ придаетъ изученію потребностей населенія въ зависимости отъ пола, возраста и культурнаго развитія изслѣдуемыхъ группъ (стр. 87—88), посвящая *четвертую* главу своей книги общимъ понятіямъ о потребностяхъ. Здѣсь, въ сущности, не дается ничего ни новаго, ни оригинальнаго, но поставленныя авторомъ себѣ задачи — широки и хорошо поняты. Въ заключеніе дана особая таблица — списокъ потребностей населенія, въ цѣляхъ собранія подробнаго и полнаго статистическаго матеріала по данному вопросу. Въ *пятой* главѣ рѣчь идетъ о бюджетномъ имуществѣ воронежскихъ крестьянъ, для данныхъ о которомъ авторъ располагалъ матеріалами подворной переписи 176.821 хозяйствъ и индивидуальными бюджетами 230 типическихъ хозяйствъ (стр. 105). Авторъ очень удачно справился съ своимъ матеріаломъ и сумѣлъ въ интересной формѣ дать понятіе о составѣ этого имущества и измѣненіяхъ въ этомъ составѣ подъ вліяніемъ разнообразныхъ факторовъ. Къ сожалѣнію, прямо отъ изслѣдованія состава имущества крестьянъ, вмѣсто того, чтобы перейти къ изученію ихъ доходовъ, онъ непосредственно (въ *шестой* главѣ) обращается къ изученію бюджетныхъ *расходовъ*, выражающихъ, по мнѣнію автора, «размѣръ потребностей» (стр. 122) крестьянъ, тогда какъ потребности крестьянъ могутъ быть весьма обширны, но поневолѣ сокращаются нормами ихъ доходовъ, о которыхъ говорится уже только въ *восьмой* главѣ (стр. 180—194). Можно подумать, что самый расчетъ доходовъ крестьянъ опредѣляется ихъ потребностями, тогда какъ дѣло какъ разъ происходитъ наоборотъ. Даже, для изученія бюджетовъ государственныхъ не совсѣмъ правильно опредѣлять доходы по расходамъ, ибо и у государства потребности безграничны, средства же весьма ограничены; для частныхъ же бюджетовъ такой пріемъ совершенно невѣренъ. Это замѣчаніе нисколько, впрочемъ, не умаляетъ цѣнности самаго анализа крестьянскихъ расходовъ, дополненаго еще главою (*7-ой*) о продоволь-

ственных нормамъ, и крестьянскихъ доходовъ, сдѣланнаго чрезвычайно обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Въ *девятой* главѣ (о бюджетномъ балансѣ, стр. 194—205) авторъ высказываетъ нѣсколько дѣльных замѣчаній по вопросу объ особенностяхъ бюджетнаго оборота и дѣлаетъ интересныя сопоставленія данныхъ, касающихся бюджетовъ населенія земледѣльческаго, скотоводческаго и промысловаго. Въ послѣдней (10-ой) главѣ сдѣлана попытка «приложить сдѣланные выводы къ характеристикѣ центрального пункта изслѣдованій—рабочей семьи» (стр. 205). Здѣсь данъ анализъ внутренняго строя крестьянской семьи и тѣхъ процессовъ, которыми характеризуются происходящія въ ней измѣненія,—процессовъ, общей подкладкой которыхъ служить (по справедливому замѣчанію автора, стр. 219) то или другое удовлетвореніе потребностей. Выводы автора о положеніи крестьянъ Воронежской губ. весьма печальны и могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для изученія вопроса объ оскудѣніи нашего центра, который теперь такъ занимаетъ все общество. Уже одно это обстоятельство придаетъ настоящему труду совершенную исключительную цѣнность и обращаетъ на него вниманіе всѣхъ интересующихся даннымъ вопросомъ. Изслѣдованіе и научная обработка столь обширнаго и сложнаго матеріала, какъ данныя о крестьянскихъ бюджетахъ,—задача весьма нелегкая, а въ данномъ случаѣ она выполнена съ большимъ искусствомъ, любовью и знаніемъ дѣла.

Вторая часть «Крестьянскихъ бюджетовъ» составлена изъ многочисленныхъ и отлично разработанныхъ статистическихъ таблицъ, съ одной стороны, касающихся бюджетовъ крестьянъ собственно Воронежской губ. (по массовымъ и отдѣльнымъ даннымъ), а съ другой—бюджетовъ крестьянъ и инородцевъ Енисейской губ., киргизовъ Акмолинской, Семипалатинской Тургайской и Уральской областей (стр. 1—380). Въ заключеніе же даны таблицы: 1) бюджетовъ Международнаго статистическаго института, 2) бюджетовъ бельгійскихъ рабочихъ семей, 3) бюджетовъ рабочихъ американскихъ и другихъ національностей (стр. 381—420). Весь этотъ матеріалъ данъ, какъ интересный для сопоставленія его съ матеріалами по крестьянскимъ бюджетамъ Воронежской и др. губерній, хотя другого вывода изъ этого сопоставленія нельзя сдѣлать, кромѣ того, что всѣ рабочіе, данныя о которыхъ приведены въ таблицахъ г. Щербины, живутъ гораздо лучше русскихъ крестьянъ, въ чемъ, однако, никто не сомнѣвался и безъ изученія сложныхъ таблицъ. Наконецъ, г. Щербина приводитъ нѣкоторые статистическіе матеріалы, касающіеся уже *отдѣльныхъ* хозяйствъ—нѣкоего крестьянина Задонскаго уѣзда и девяти хозяйствъ, бюджеты коихъ разработаны примѣнительно къ классификаціи потребностей (стр. 421—429 и 441—477). Въ приложеніи данъ «Формуляръ для составленія бюджетовъ», имѣющій большое практическое значеніе для будущихъ продолжателей работы г. Щербины, несомнѣнно облегчившаго этимъ ихъ тяжелый трудъ.

Весь этот обширнѣйшій матеріалъ разработанъ г. Щербиною совершенно научно, построения ясны и не слишкомъ сложны, хотя, конечно, самыя таблицы интересны болѣе для специалистовъ, нежели для читающей публики вообще. Однако самый текстъ, предшествующій таблицамъ (т. е. 1-ая часть книги г. Щербины), написанъ настолько просто и удобопонятно, не смотря на специальность темы, что интересенъ и для болѣе широкаго круга читателей, а это также необходимо вѣнчить автору въ заслугу.

На основаніи всего вышеизложеннаго, я нахожу, что книга г. Щербины — трудъ выдающійся и весьма высокой научной цѣнности, заслуживающій всяческаго поощренія и вполне удовлетворяющій по содержанию формальнымъ требованіямъ, предъявленнымъ для соисканія преміи имени Императора Александра II.

Проф. П. Мигулинъ.

Харьковъ,
28 Октября 1903 г.

Л. Н. ЯСНОПОЛЬСКИЙ.

Рецензія на книгу С. И. Лисенко „Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи“.

Вып. 2. Роменскій уѣздъ. Изд. Полтавскаго Губ. Земства. Одесса 1900. 540 стр.

Исслѣдованіе домашнихъ промысловъ и ремеслъ Роменскаго уѣзда Полтавской губ. произведено было гг. С. И. Лисенко и М. Н. Дробышемъ въ теченіе приблизительно 2-хъ мѣсяцевъ 1898 года. Оно возникло изъ желанія Полтавскаго Губернскаго Земства поставить дѣло помощи сельскимъ промысламъ губерніи на сколько нибудь прочную почву выясненія фактическаго состоянія этихъ промысловъ и ихъ нуждъ.

Исслѣдованіе видимо велось дѣйствительно людьми, которые «добро-совѣстно и съ глубокимъ внутреннимъ интересомъ къ дѣлу открывали свои уши всему, что только подавалось ихъ изученію» (стр. 42); руководство принадлежало автору книги, С. И. Лисенко, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ передъ тѣмъ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ Черниговской губ. зем. управы по содѣйствію кустарнымъ промысламъ. Но въ то же время исслѣдователи были стѣснены крайнимъ недостаткомъ времени и, наконецъ, само исслѣдованіе было внезапно прервано 15 октября 1898 г. «по независѣвшимъ ни отъ самого земства, ни отъ его служащихъ обстоятельствамъ» (стр. 1).

Всеми этими условіями опредѣляются какъ достоинства, такъ и недостатки разбираемаго труда.

Исслѣдованіе имѣло не статистическій, а лишь анкетный характеръ. Точное и полное выясненіе картины развитія сельскихъ промысловъ возможно было бы лишь въ связи съ общей похозяйственной переписью всей губерніи. Только при этомъ можно было бы вполнѣ выяснить степень распространенія промысловъ, характеръ тѣхъ группъ населенія и тѣхъ условій, съ которыми связано ихъ развитіе,—общее значеніе ихъ въ экономіи мѣстности. На общемъ фонѣ такой основной переписи, болѣе подробное и детальное анкетное обслѣдованіе типичныхъ условій отдѣльных промысловъ, которое одно только и было произведено въ дѣйствительности, пріобрѣтало бы особое значеніе для выясненія общей связи всей хозяйственной жизни губерніи.

Но эта огромная работа не могла быть конечно произведена только *по поводу* изслѣдованія промысловъ. Она, какъ извѣстно, была принята и выполнена Полтавскимъ земствомъ нѣсколько позже, въ 1900 году. Это отсутствіе связи между специальными изслѣдованіями промысловъ и общимъ изученіемъ губерніи конечно лишило первое значительной доли его плодотворности.

Не могла быть выполнена — уже по «независящимъ обстоятельствамъ» — и попытка *сплошного* описанія важнѣйшихъ селеній, въ которыхъ развиты промыслы. Бланкъ для такого описанія былъ выработанъ извѣстнымъ статистикомъ А. В. Пѣшеоновымъ, который какъ разъ принялъ тогда завѣдываніе Полтавскимъ статистическимъ бюро. Бланкъ этотъ даже приложенъ къ книгѣ г. Лисенко, но само обслѣдованіе по этой программѣ не могло осуществиться.

Такимъ образомъ, силою обстоятельствъ, могла быть выполнена только анкетная часть работы. Она могла дать лишь приблизительныя свѣдѣнія о числѣ и хозяйственномъ положеніи хозяйствъ, занятыхъ промыслами, и болѣе подробно остановиться лишь на общихъ условіяхъ и типичныхъ явленіяхъ промысловой жизни въ нѣсколькихъ наиболѣе промышленныхъ пунктахъ отдѣльныхъ уѣздовъ Полтавской губерніи. Въ связи съ этимъ и программа изслѣдованія, представлявшая лишь краткое извлечение изъ программы В. У. Комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи (44 вопроса для коллективнаго, 26 для подворнаго опроса мастеровъ и рядъ техническихъ программъ), оказалась чересчуръ сложной для слишкомъ малаго персонала, которому пришлось работать. Недостатки ея — неразработанность вопросовъ о кредитѣ и о бюджетахъ. Последнее однако еще сильно усложнило бы работу. Условія же землевладѣнія и землепользованія требовали бы во всякомъ случаѣ подворнаго опроса.

Вотъ тѣ рамки, въ которыя было поставлено изслѣдованіе для Роменскаго уѣзда и съ которыми намъ постоянно придется считаться въ нашемъ изложеніи.

Вопросъ о такъ называемой «домашней промышленности» очень сложенъ. Исходными пунктами ея являются или первобытное семейное производство патріархальной земледѣльческой эпохи, или же городскія ремесла. Развитымъ ея типомъ Бюхеръ и Зомбартъ считаютъ организованную систему разрозненныхъ домашнихъ рабочихъ, объединенныхъ неизбежною властью скупщика, въ рукахъ котораго и поставка сырья, и кредитъ, и руководство производствомъ, и сбытъ издѣлій. Рядъ переходныхъ ступеней соединяетъ эти двѣ крайнія стадіи развитія домашней промышленности. Для ряда отраслей эта эпоха подчиненія торговому капиталу завершается вымираніемъ домашней промышленности и превращеніемъ ея въ фабричную, другой рядъ отраслей, болѣе близкихъ къ ре-

месленному типу, проявляетъ значительную устойчивость даже въ сопротивленіи торговому капиталу—подчиненію скупщикамъ.

Такимъ образомъ въ развитіи многообразныхъ отраслей домашней промышленности нѣтъ общаго шаблона. Ложны упованія доктринеровъ капитализма на всеобщую концентрацію производства и въ области домашней промышленности. Ложны и неумолимой логикой жизни все болѣе разрушаются идиллическія мечтанія о «народномъ производствѣ» самостоятельныхъ группъ мелкихъ промышленниковъ при современномъ экономическомъ строѣ.

Въ современной Россіи этотъ процессъ еще болѣе сложенъ. Мы должны смотрѣть на настоящее какъ на моментъ въ историческомъ движеніи, и моментъ переживаемый Россіей таковъ, что не позволяетъ дѣлать сколько-нибудь опредѣленнаго заключенія о дальнѣйшемъ ходѣ ея развитія. Въ отличіе отъ Западной Европы, въ Россіи общественное вниманіе привлекаетъ главнымъ образомъ *сельская* домашняя промышленность тѣхъ группъ населенія, которыя фактически, а иногда уже только юридически связаны съ земледѣліемъ и крестьянскимъ землевладѣніемъ. Въ такой средѣ промыслы могутъ являться или дополненіемъ къ земледѣлію, укрѣпляющимъ хозяйственную самостоятельность, занимающимъ свободное время въ мертвый для сельскаго хозяйства сезонъ; или же промыслы могутъ являться результатомъ разложенія мелкаго землевладѣнія, слѣдствіемъ образованія безземельнаго или малоземельнаго деревенскаго пролетаріата, вынужденнымъ и тяжелымъ видомъ труда при крайнемъ напряженіи силъ хозяина и его семьи и скудномъ заработкѣ. Эти два типа далеко не равнозначущи въ социальномъ и экономическомъ отношеніи. Развитіе ихъ тѣсно связано съ процессомъ развитія или разложенія русскаго крестьянскаго землевладѣнія. Судьбы послѣдняго кореннымъ образомъ вліяютъ на промыслы русскаго сельскаго населенія, но само русское крестьянское землевладѣніе находится въ такомъ неустойчивомъ равновѣсіи, что почти невозможно предугадать дальнѣйшія судьбы его: какую вѣроятность имѣетъ окончательное разслоеніе русскаго крестьянства на сельскую буржуазію и пролетаріатъ; что ожидаетъ русскую земледѣльческую общину; при какихъ условіяхъ станутъ возможны болѣе интенсивныя системы хозяйства; могутъ ли приобрѣсти крупное значеніе хуторское хозяйство, переселенія на окраины, расширеніе землевладѣнія крестьянской массы насчетъ другихъ слоевъ населеній; какъ должны отразиться быстрый ростъ населенія и неизбежныя реформы государственнаго строя? Все это вопросы, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависятъ судьбы русскаго крестьянства, и то или иное рѣшеніе ихъ имѣетъ первенствующее значеніе для сужденія о судьбѣ промысловъ сельскаго населенія. Развитіе ихъ является такимъ образомъ вторичнымъ фактомъ, зависящимъ отъ общаго процесса измѣненія русскихъ аграрныхъ отношеній. Во всякомъ случаѣ промыслы сельскаго населенія черноземной и нечерноземной полосы Россіи представляютъ

рѣзкія черты отличія. Намъ необходимо отѣнить ихъ, чтобы насколько возможно выяснить характеръ промысловъ, типичныхъ для Малороссіи. Кромѣ того работы, подобныя лежащему передъ нами изслѣдованію С. И. Лисенко, имѣютъ въ виду прежде всего практическую цѣль — выясненіе мѣръ, которыми земство могло бы содѣйствовать поддержанію и развитію сельскихъ промысловъ. Какого же рода мѣры возможны здѣсь и какое значеніе имѣютъ наиболѣе общія изъ нихъ?

Если мы ограничимся предѣлами изслѣдованныхъ, наиболѣе промысловыхъ селеній Роменскаго уѣзда (м. Смѣлое и с. Протасовка, с. Засулье и Запанинцы (два предмѣстія г. Роменъ), г. Глинскъ, дер. Шумскъ, мѣст. Хмѣловъ, сс. Перекоповка, Чернечья слобода, Рогинцы, Талалаевка, Томашовка и Хоружевка), то можемъ намѣтить цѣлый рядъ типовъ, къ какимъ по своей экономической организаціи принадлежать мѣстные промыслы. Особенно разнообразны виды ткачества, и на его примѣръ мы постараемся выяснить вообще типы промысловыхъ занятій данной мѣстности.

Исходной его формой служить широко распространенное тканье простыхъ крестьянскихъ холстовъ для потребленія собственной семьи. Даже въ обслѣдованныхъ, наиболѣе промысловыхъ поселеніяхъ эта первобытная форма крестьянскаго сельскаго производства крѣпко держится. «Ткачество какъ домашнее занятіе для собственныхъ нуждъ семьи, по словамъ волости, существуетъ въ $\frac{1}{4}$ части дворовъ *Глинска*, т. е. $630:4=157$, но такихъ, которые работаютъ «на людей», по словамъ ткачихъ, не болѣе 50 (стр. 373) «Благодаря земледѣльческому строю жизни *перекоповцевъ*, по крайней мѣрѣ въ третьей части дворовъ, т. е. дворахъ въ 200 имѣются ткацкіе верстаты, на которыхъ семья изготавляетъ все необходимое для себя. изъ умѣющихъ ткать не болѣе $\frac{1}{2}$ работаютъ на людей, потому что не хватаетъ работы на всѣхъ; живущихъ же только съ ткачества наберется десятковъ пять. Большинство ихъ изъ безземельныхъ хозяйствъ» (стр. 405). «Изъ 1200 дворовъ въ *Чернечьей слободѣ* по крайней мѣрѣ въ 800 можно найти верстаты. заказное ткачество довольно развито. свѣдущіе люди говорили, что ткачей наберется около 20 чел., а сами мастера на опросѣ допускали, что ихъ можетъ найтись и до 50; ткачихъ же, работающихъ на людей, считаютъ болѣе 100 душъ. Думаютъ, что число занимающихся ткачествомъ возрастаетъ, т. к. «всякій старается самъ себя все сдѣлать, чтобы не отдавать свою копѣйку»; только многоземельные, но малосемейные хозяева отдаютъ работы на сторону, т. к. имъ некогда заниматься тканьемъ» (466). «Какъ домашнее занятіе для нуждъ семьи, тканье существуетъ чуть не въ каждой семьѣ» (с. Рогинцы стр. 504) и т. д. Крѣпость этого домашнего занятія, ведущаго свое начало конечно съ давнихъ временъ, естественно объясняется потребностями земледѣльческой жизни и натурального хозяйства, наличностью собственнаго матеріала — пеньки, свободнымъ зимнимъ временемъ, дешевизной устройства первобытнаго ткацкаго станка. Интересно, что земледѣльческій тяжелый трудъ не даетъ

возможности замѣнить холстъ болѣе дешевымъ, но менѣе прочнымъ матеріаломъ для бѣлья — бумажной тканью. Хотя, особенно съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, начинаютъ проникать дешевыя бумажныя ткани, но онѣ мало прививаются, какъ матеріалъ для бѣлья. «Ткачи увѣряютъ, что бумажный холстъ для крестьянской работы не выносливъ: «за недѣлю рубаху износишь на жнивахъ», — «гниетъ отъ поту» (стр. 137). Это тѣмъ болѣе интересно, что всякаго наблюдателя малороссійской жизни поражаетъ быстрое вытѣсненіе національныхъ костюмовъ домашняго производства покупными бумажными и шерстяными тканями. Только простой пеньковый холстъ видимо крѣпко связанъ съ основными потребностями земледѣльской жизни и не вымираетъ подобно «плахтамъ» и другимъ воспоминаніямъ поэтическаго прошлаго.

Отмѣченный типъ ткачества не представляетъ собою «промысла» въ техническомъ значеніи слова. Приведенныя выдержки отчасти указываютъ, какимъ путемъ постепенно совершается отсюда переходъ къ «промыслу». Къ домашней работѣ присоединяется случайная работа по заказу, не нарушая общаго характера занятія, но помимо того вырабатывается извѣстный контингентъ хозяйствъ, въ которыхъ эта работа по заказу становится преобладающимъ, хотя рѣдко исключительнымъ занятіемъ. Ткачество не даетъ почвы для специализаціи на немъ, какъ на сельскомъ *ремеслѣ*: «какъ работа на людей, оно является самымъ малоодоходнымъ дѣломъ» (стр. 505), очевидно въ виду того, что промыселъ слишкомъ простъ и привыченъ, доступенъ всѣмъ, «не хватаетъ работы на всѣхъ», — предложеніе превышаетъ спросъ. Такимъ образомъ второй типъ сельскихъ промысловъ — ремесло — въ этой области не можетъ развиваться. Но тѣмъ болѣе ткачество представляетъ данныя для развитія третьяго типа — кустарнаго производства въ точномъ смыслѣ этого слова. *Развитіе кустарнаго ткачества объясняется разложеньемъ земледѣльческаго хозяйства*. «Можно думать, что когда земледѣльческое хозяйство опускается и падаетъ, оно крѣпче всего держится за наиболѣе привычную и извѣстную работу — тканье: . . . въ большинствѣ случаевъ ткачество «на людей» является переходнымъ занятіемъ потерявшихъ устойчивость земледѣльческихъ хозяйствъ. Таково общее впечатлѣніе, производимое сельскимъ ткачествомъ» (стр. 505). Даже въ главномъ промысловомъ центрѣ уѣзда м. Смѣломъ, «несмотря на его промысловую внѣшность, все еще существуетъ весьма рѣшительное тяготѣніе къ землѣ, къ земледѣльческимъ занятіямъ, при которыхъ можно ѣсть свой, а не покупной хлѣбъ, чувствовать себя хозяиномъ собственнаго существованія и не зависѣть отъ колебаній рыночнаго спроса, отъ доброй воли скупщика — и переходъ отъ земли къ промыслу, какъ занятію главному, является уже въ *результатъ мучительнаго процесса разложенія земледѣльческаго хозяйства*»¹⁾ (стр. 69). «По словамъ ткачей, кто имѣетъ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

4—5 десятинъ поля, тотъ уже ткачевать не будетъ» (стр. 72). Въ м. Смѣломъ и с. Протасовкѣ—центрахъ *кустарнаго* ткачества—86% ткачей принадлежатъ къ безземельнымъ и малоземельнымъ «и лишь не болѣе 14,4% всѣхъ хозяйствъ ткачей достаточно снабжены землею для веденія земледѣльческаго хозяйства» (стр. 70—71). «Изъ этихъ 50 ткачей (лучшихъ и болѣе постоянно работающихъ «на людей» мастеровъ м. Хмѣлова) большая половина малоземельныхъ и безземельныхъ (болѣе 30)» (стр. 443).

Но пока процессъ разложенія земледѣлія выработаетъ типъ болѣе или менѣе законченнаго кустаря-ткача населеніе, теряющее связь съ землей, мечется во всѣ стороны, «вертятся якъ муха въ окропи» (стр. 109), бросается на отхожіе земледѣльческіе заработки, уходитъ на переселеніе; «у большинства хозяевъ ткачей ихъ годовой семейный бюджетъ складывается изъ самыхъ разнородныхъ поступленій: кромѣ дохода отца-ткача, тутъ и заработки сына-сапожника, и поденщина одной изъ дочерей и дальній отходъ другого сына и небольшая выручка съ клочка собственной земли и т. под.» (стр. 75).

Даже ткачи-кустари въ собственномъ смыслѣ слова при условіяхъ данной земледѣльской мѣстности стараются сохранить связь, вѣрнѣе—иллюзію связи съ землей. Кустарное ткачество существуетъ, въ сущности, только въ районѣ м. Смѣлаго, но и тутъ «всѣ ткачи стремятся къ землѣ и занимаются ежегодно полевыми работами—если не на своей, то хотя на чужой землѣ. Цѣль при этомъ—заработать хотя немного хлѣба, чтобы не покупать его зимою или весною, когда онъ дорогъ. Въ этой погонѣ за своимъ хлѣбомъ ткачамъ, да и инымъ мастерамъ случается часто затратить столько рабочаго времени и труда, что въ переводѣ на деньги это время и трудъ стоили бы гораздо больше, чѣмъ стоитъ полученный хлѣбъ» (стр. 73). «Ткачи хватаются за землю—она постепенно ускользаетъ изъ ихъ рукъ» (стр. 74). Вотъ тотъ процессъ, который превращаетъ земледѣльца въ кустаря-ткача: развитіе промысла является не дополненіемъ къ земледѣлію, не *соединеніемъ* двухъ занятій, взаимно подкрѣпляющихъ другъ друга, это процессъ *разложенія*, образованія сельскаго пролетаріата на почвѣ тяжелыхъ аграрныхъ условій благодатной нѣкогда Малороссіи.

Заключительной стадіей этого процесса является кустарное ткачество въ районѣ м. Смѣлаго. Это массовое изготовленіе «рядовины»—грубой пеньковой ткани гл. обр. для мѣшковъ и для укупорки. Этотъ видъ промысла носитъ всѣ типичныя черты кустарнаго производства: массовое изготовленіе продукта на рынокъ, по большей части отдаленный; контингентъ промышленниковъ, наиболѣе оторванныхъ отъ земледѣльческаго хозяйства; организацію сбыта скупщиками и тяжелую зависимость кустарей отъ нихъ.

Промыселъ имѣетъ постоянный характеръ, но, благодаря его простотѣ «къ производству рядовины переходятъ временами и непрофессиональные ткачи, соблазняясь въ минуту безработицы возможностью имѣть

работу по таксѣ» (стр. 90). «Такса» эта устанавливается конечно скупщиками. «Организованное въ широкихъ размѣрахъ скупщицество и сбытъ рядовины большими партіями на югъ, въ экономіи и приморскіе порты, даетъ небольшой, но постоянный и вѣрный заработокъ ткачамъ». «Ихъ промыселъ имѣетъ далеко не мѣстное значеніе» (стр. 90). Главнѣйшіе, наиболѣе распространенные сорта продукта идутъ на побережья Чернаго моря для мѣшковъ, обшиванія корзинъ съ виноградомъ, упаковки табаку и шерсти, а также въ города для обтяжки пружинъ на мягкой мебели. Понятно, что сбытъ на эти далекіе крупные рынки возможенъ только при организаціи его на крупныхъ началахъ не отдѣльными рабочими, которымъ это совершенно недоступно, а болѣе предприимчивыми элементами деревни, изъ которыхъ и вырабатываются хищные типы скупщиковъ.

Для поясненія того, что значитъ «экономическая зависимость отъ скупщиковъ» достаточно будетъ привести нѣсколько бѣглыхъ примѣрныхъ цифръ. Бюджетъ ткача Н. Ф. Расходы въ годъ:

пища.....	20—25 руб.
топливо.....	15 „
одежда	10—15 „
землед. инвентарь.....	10 „
подати и повинности.....	8 „
лавочные товары.....	5 „
аренда 3 дес. по 9 руб.....	27 „
Итого.....	95—105 р. (стр. 116).

А на долю скупщика отъ такой семьи по примѣрному разсчету автора (по 1 к. съ аршина ткани) приходится 30 руб.! И къ этой суммѣ зачастую приходится причислять еще % ростовщическаго кредита скупщиковъ (отъ 25 до 35%). Въ другомъ примѣрѣ мы имѣемъ такое соотношеніе: подати и повинности 7 руб., аренда 24 руб., доля скупщика около 25 руб. Отсюда понятна первенствующая роль эксплуатаціи торговаго капитала, хотя надо оговориться, что въ рубрикѣ «подати и повинности» не включены, очевидно, налоги косвенные, которые сильно увеличили бы данныя, сравнительно невысокія цифры.

Правда, «болѣе состоятельные ткачи, имѣющіе возможность продать рядовину помимо своихъ скупщиковъ, на сосѣднихъ ярмаркахъ или въ Гадячѣ на базарѣ, могутъ получить еще добавочный доходъ, иногда доходящій до копѣйки на каждомъ аршинѣ» (стр. 108); но «число работающих на скупщиковъ все растетъ, т. к. не зная рынковъ сбыта, сами ткачи много продавать не могутъ: лишь болѣе состоятельные изъ нихъ пытаются сбывать свои издѣлія самостоятельно, только не на своихъ ярмаркахъ и базарахъ, т. к. здѣсь все тѣ же скупщики, съ которыми имъ приходится постоянно имѣть дѣло» (стр. 101). Но и это возможно лишь для тѣхъ, кто скупаютъ товаръ у другихъ въ придачу къ своему: «не многіе

могутъ собрать достаточную партію издѣлій, чтобы стоило пускаться въ развѣзды» (стр. 101). Въ другихъ промыслахъ это чаще является возможнымъ, но такое массовое производство, далеко превышающее потребность мѣстныхъ и окрестныхъ рынковъ и ярмарокъ, возможно при настоящихъ условіяхъ только подъ руководствомъ скупщиковъ. Въ виду этого заработокъ ткачей-кустарей очень низокъ, но — характерная особенность — трудъ ихъ не очень напряженъ; другая — не менѣе типичная черта — закупка сырья не находится въ рукахъ скупщиковъ. «Ткачи вообще не имѣютъ возможности, а болѣе зажиточные изъ нихъ и надобности напрягать въ теченіе недѣли всю свою рабочую силу; снѣшить имъ некуда, такъ какъ у нихъ или матеріалу не хватаетъ для домашняго производства тканей, или сбытъ не всегда обезпеченъ и выгоденъ» (стр. 105). «Закупаются матеріалы ткачами обыкновенно въ одиночку и самыми небольшими партіями» (стр. 97). «Снабженіе ткачей сырьемъ отъ скупщиковъ имѣетъ очень мало примѣровъ. Гораздо чаще скупщикъ кредитуетъ ткача деньгами, при чемъ обыкновенно болѣе 2—3 рублей не даетъ» (стр. 99).

Все это характерныя черты, указывающія на довольно элементарную ступень развитія того — даже болѣе развитого — кустарнаго промысла, который мы наблюдаемъ въ Роменскомъ уѣздѣ въ его болѣе промышленномъ пунктѣ м. Смѣломъ съ с. Протасовкой. По примѣрному учету (стр. 220) этихъ кустарей-рядовинщиковъ здѣсь около 150, средній ихъ дневной заработокъ — 18 коп., годовой (сезонный) 36 руб. Всего вырабатывается ими 450 тыс. аршинъ, на 36 тыс. руб., изъ которыхъ мастерамъ достается всего 5,4 тыс. руб. На сырье уходитъ 18 тыс. руб., да при перекупкѣ сырья отъ лавочниковъ еще 4,5 тыс. Барышъ скупщиковъ составляетъ 8,1 тыс. руб. Обычный размѣръ кредита 25—35%. Таковы, хотя бы примѣрные, основныя цифры.

Мы видимъ, что и по количеству мастеровъ-кустарей и по размѣрамъ ихъ производства промыселъ имѣетъ довольно скромное значеніе. Сырье употребляется исключительно мѣстное, скупаемое по мелочамъ у бабъ на окрестныхъ базарахъ. Это конечно слишкомъ узкая основа для массоваго производства, поэтому ткачи-кустари часто сидятъ безъ работы, работаютъ съ перерывами и широкаго развитія этотъ промыселъ не обѣщаетъ, тѣмъ болѣе что спросъ на «рядовину» палъ: «спросъ раньше выражался чуть не въ сотняхъ тысячъ руб., а теперь не превышаетъ и 20 тыс.» (стр. 110). Скупщики не являются хозяевами-организаторами производства, они скупаютъ имѣющійся продуктъ, сообразуясь съ рынкомъ, но не вкладываютъ въ это дѣло особыхъ капиталовъ и не связываютъ себя, какъ это было бы при закупкѣ ими сырья (особенно не мѣстнаго) и вообще при болѣе активной ихъ роли, какую они играютъ въ русскихъ нечерноземныхъ кустарныхъ рынкахъ. Тамъ — гораздо болѣе стройная система производства, во многихъ случаяхъ переходящая въ фабричное — именно въ области ткачества. Здѣсь — это побочный продуктъ земледѣльческой

мѣстности, земледѣльческаго перенаселенія и пролетаризаціи, «строгой приписки тѣхъ или иныхъ ткачей къ опредѣленному скупщику не существуетъ. Прежде всего самому скупщику неудобно вступать въ какія-либо обязательныя отношенія съ ткачами, обязываться принимать отъ нихъ все, что бы они ни сдѣлали. Бываютъ періоды, когда спросъ на рядовину уменьшается, тогда и скупщики дѣлаютъ видъ, что принимаютъ отъ ткачей рядовину лишь въ видѣ любезности, при чемъ оплачиваютъ трудъ такъ, что многіе предпочитаютъ временно бросить рядовину и перейти къ чему-либо другому» (стр. 102). Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ условій прочнаго «закабаленія» кустарей, но это лишь результатъ неустойчивости самаго промысла, неспособнаго поглотить значительное количество рукъ, создать крупный сбытъ, выйти изъ разряда побочныхъ полу-земледѣльческихъ промысловъ. Между тѣмъ это наиболѣе оторвавшееся отъ земледѣлія занятіе, наиболѣе сформировавшійся промыселъ «кустарнаго типа», почему мы такъ долго на немъ и остановились.

Наряду съ нимъ стоитъ кожевенно-сапожный промыселъ, развившійся въ двухъ центральныхъ пунктахъ—м. Смѣломъ и г. Ромнахъ съ предмѣстіями—въ массовое производство, обслуживающее большой районъ нѣсколькихъ уѣздовъ; конкуренція его препятствуетъ даже развитію сапожнаго промысла въ другихъ мѣстахъ уѣзда, какъ Глинскъ (стр. 382), Хмѣловъ (453), Чернечьа Слобода (472). Здѣсь образовалась своеобразная іерархія занятій. Скупщики кожъ съ значительными капиталами являются главными поставщиками сырья, но они не организуютъ самого производства. Главными организаторами являются зажиточные кожевники (чиньбари), выдѣлывающіе кожу и раздающіе ее въ кредитъ «отпарщикамъ» или скупающіе у нихъ продуктъ. «Отпарщики» (т. е. получающіе у скупщика плату отъ пары сапогъ) представляютъ главную массу бѣднѣйшихъ мало-или безземельныхъ мастеровъ. Переходнымъ типомъ являются не особенно многочисленные, самостоятельные мастера, работающіе отчасти на заказъ, главнымъ же образомъ развѣзжающіе по ярмаркамъ. «Они являются переходною ступенью къ скупщичеству и постоянно отрываются отъ трудящейся массы, окружая себя наймытами, учениками (подмастерьями), отпарщиками и т. п.» (стр. 263). Существуютъ, наконецъ, еще «бродячіе отпарщики», работающіе на заказъ по хуторамъ.

Въ сапожномъ промыслѣ скупщичество развилось не менѣе, чѣмъ въ описанномъ выше кустарномъ ткацествѣ. На это несомнѣнно вліяетъ характеръ матеріала: довольно дорогого, требующаго предварительной выдѣлки и продаваемаго главнымъ образомъ болѣе крупными партіями. Это вызвало даже зачатки извѣстнаго рода коопераціи въ средѣ болѣе зажиточныхъ сапожниковъ и кожевниковъ для закупки сырья (стр. 196).

И въ сапожномъ промыслѣ характерно проявляется та же черта, которую мы отмѣтили для ткацкаго,—черта, характеризующая недоразвитость организаціи *кустарнаго* промысла. Главная масса «отпарщиковъ»

не связана постоянной зависимостью отъ извѣстныхъ скупщиковъ. Послѣдніе не находятъ выгоднымъ связывать себя. Меньшинство отпарщиковъ—постоянные (собственно сезонные) сдѣльные рабочіе. «Они круглый годъ обеспечены работой, но хотя они и возбуждаютъ этимъ зависть у другой гораздо болѣе многочисленной группы отпарщиковъ, не менѣе 100 чел., которые хотѣли бы имѣть постоянную работу, но не находятъ хозяина» (стр. 189, м. Смѣлое). Бываетъ только мѣсяца три въ году горячихъ. «Съ Августа по Филипповку, говорятъ «постоянные отпарщики», можетъ быть нѣсколько преувеличивая, хорошо если часа 4 въ сутки придется заснуть (20 часовъ работы!); а то и весь день работаешь и часть ночи захватываешь» (стр. 190). Это типично вообще для сезонной работы, но здѣсь перерывы вызываются видимо еще и общей слабостью рынка. «Заработокъ отпарщика (30—50 р.), какъ мастера несамостоятельнаго, разумѣется, будетъ ниже (чѣмъ у работающаго по заказамъ), но за то онъ отличается болѣею устойчивостью, что привлекаетъ мысли многихъ мастеровъ къ отпарщинѣ.... Между засульскими сапожниками такихъ, которые давали бы отпарщину, очень немного—да и тѣ раздаютъ непостоянно и немного» (стр. 258). «Почти треть засульского сапога... поступаетъ къ Роменскимъ лавочникамъ—тѣмъ самымъ, что продаютъ и сапожный товаръ. Отпарщины лавочники почти не раздаютъ» (стр. 259). Они извлекаютъ барыши, оказывая кредитъ сапожникамъ и расплачиваясь съ ними товаромъ. Ходъ экономическаго развитія дѣлаетъ свое дѣло. «Засулье, раньше жившее, повидимому, преимущественно заказами и отпарщиной, начинаетъ втягиваться въ кругъ операций лавочниковъ Роменскаго района. Но все же обиліе всякихъ заработковъ въ подгородной мѣстности и возможность переходить иногда къ заказной работѣ не отдають еще пока засульскихъ сапожниковъ въ полную власть скупщиковъ, и размѣръ оплаты труда у лавочниковъ хотя и ниже, чѣмъ у заказчиковъ изъ села, но не упалъ еще до послѣдней степени» (стр. 260).

Всѣ эти факты указываютъ, что даже въ наиболѣе центральныхъ пунктахъ промысла онъ не развился еще до полного закабаленія скупщикамъ и постоянной организаціи его. Но это лишь результатъ недостаточнаго развитія—узости рынка. Хотя районъ его и распространяется на нѣсколько десятковъ верстъ, но этого слишкомъ недостаточно для того контингента свободныхъ рабочихъ рукъ, которые оказываются лишними для сельскаго хозяйства. Предметъ промысла—слишкомъ обыченъ, не представляетъ специфической особенности даннаго района, не вызывается въ немъ какими-либо особенно благопріятными мѣстными условіями въ родѣ дешеваго матеріала, удобныхъ путей сообщенія и т. п.; слѣд., промыселъ не можетъ не наталкиваться на конкуренцію подобныхъ же другихъ районовъ и не имѣетъ опять таки данныхъ для широкаго развитія: оно лишь обострило бы конкуренцію, не создавая никакихъ выгодъ.

Оставимъ въ сторонѣ рядъ болѣе мелкихъ промысловъ большею частью мѣстнаго характера, упомянемъ вкратцѣ лишь о гончарахъ г. Глинска. Какъ вездѣ, промыселъ является не выгоднымъ подспорьемъ къ самостоятельному крестьянскому хозяйству,—это лишь убогое прибѣжище для элементовъ, падающихъ въ борьбѣ съ процессомъ экономического разложенія русскаго крестьянскаго землевладѣнія.

«Земельное обезпеченіе гончаровъ ничтожно..... главное для нихъ вовсе не въ землѣ, а въ гончарной глинѣ» (стр. 349—350). На одно *хозяйство* у нихъ приходится по вычисленіямъ различныхъ изслѣдователей всего въ среднемъ отъ 0,7—1 дес. до 1,7 дес. земли! «Правда въ нѣкоторыхъ цифрахъ какъ будто замѣчается нарастаніе: такъ увеличилась группа гончаровъ съ 6 дес. и болѣе, но мы уже видѣли, что здѣсь не гончарство поднялось до землепашества, а скорѣе землепашество спустилось до гончарства» (стр. 350).

И здѣсь промыселъ не опирается на широкій рынокъ, что позволило бы хоть утилизировать всю свободную рабочую силу. Наоборотъ, «и чисто гончарскія хозяйства, оказывается, имѣютъ свой избытокъ рабочей силы, который выпускаютъ на сторону» (стр. 350). Для этой «лишней» части населенія не находится другого исхода, какъ земледѣльческій отходъ.

Работаютъ гончары большую часть года (до 200 дней) съ напряженіемъ всѣхъ силъ въ наиболѣе горячій періодъ отъ Пасхи до Петрова дня. «Въ это время, тогда только не работаемъ, когда спимъ» (стр. 352).

«Рабочую силу дѣтей въ гончарствѣ начинаютъ эксплуатировать очень рано и гончарный промыселъ надо причислить къ самымъ мрачнымъ въ этомъ отношеніи промысламъ: сѣтевязальному въ Воронкахъ и плетенію кошиковъ изъ рогоза въ Поставмукахъ, Городищѣ и др. селеніяхъ Лохвицкаго уѣзда» (стр. 352). По разсчету С. Лисенка, для средняго хозяина одиночки, какихъ большинство, чистая выручка составляетъ въ годъ (приблизительно за 6 мѣсяцевъ труда) около 42 руб., т. е. около 30 коп. въ день (стр. 368).

Опять таки и гончарный промыселъ не захваченъ всецѣло скупщиками и это находится, какъ и въ рассмотрѣнныхъ ранѣе промыслахъ, въ связи съ недостаточной широтой рынка. Часть гончаровъ развозитъ самостоятельно издѣлія по ярмаркамъ—это болѣе состоятельные. Большая часть сбываетъ посуду скупщикамъ. Развивается ли это явленіе или нѣтъ—авторъ ли рѣшается сдѣлать окончательный выводъ: «нѣтъ точныхъ данныхъ, чтобы судить, куда тянетъ жизнь: къ порабощенію гончаровъ скупщиками въ сбытѣ издѣлій или къ освобожденію гончаровъ отъ услугъ скупщиковъ; но относительно настоящаго момента уже можно установить, что большинство гончаровъ самостоятельнаго сбыта не имѣютъ и зависятъ отъ скупщиковъ» (стр. 364). По показаніямъ же самихъ гончаровъ возможность обойтись безъ черниговскихъ «прасоловъ» или мѣстныхъ «мужиковъ» (скупщиковъ) сокращается..... Въ конечномъ результатѣ большая

половина изготовляемыхъ въ Глинскѣ издѣлій не только продается, но частью и запродаются скупщикамъ» (стр. 362—363). Но о полномъ поработѣ кустарей торговымъ капиталомъ при примитивности техники, даровомъ матеріалѣ и сравнительно близкихъ мѣстахъ сбыта, повидимому, не можетъ быть рѣчи въ настоящее время.

Мы не исчерпываемъ и малой доли богатаго запаса фактовъ, собранныхъ въ изслѣдованіи С. И. Лисенко, ограничиваясь лишь самыми основными чертами главнѣйшихъ видовъ промысловъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ и техническую, и санитарно-гигіеническую обстановку ихъ, и коммерческо-экономическіе расчеты деталей производства. Обо всемъ этомъ имѣются данныя у автора книги. Мы старались лишь выяснитъ общія черты социально-экономической организаціи сельскихъ промысловъ Роменскаго уѣзда, какъ наиболѣе промышленнаго изъ уѣздовъ всей губерніи. Можно предполагать, что характерныя черты описанныхъ промысловъ типичны для гораздо болѣе широкаго раіона черноземной полосы Россіи. А какъ разъ о сельскихъ промыслахъ земледѣльческой полосы мы имѣемъ гораздо менѣ данныхъ, чѣмъ о кустарныхъ промыслахъ нечерноземныхъ губерній. Конечно, описаніе одного уѣзда является черезчуръ узкимъ базисомъ для широкихъ выводовъ и въ этомъ отношеніи мы жалѣемъ, что не могли принять въ расчетъ хотя бы описанія промысловъ Лохвицкаго уѣзда, обследованнаго тѣмъ же авторомъ. Сколько намъ извѣстно, это изслѣдованіе С. И. Лисенка въ настоящее время печатается на средства Полтавскаго губернскаго земства.

Приведенныхъ выше фактовъ достаточно, чтобы уловить главныя отличительныя черты сельской промышленности въ уголкѣ Полтавщины сравнительно съ гораздо съ болѣе развившимися и оформившимися кустарными промыслами нечерноземныхъ губерній.

Выросшіе въ атмосферѣ чисто земледѣльческой мѣстности, не испытавши на себѣ вліянія развитой промышленности и городской жизни, при значительно сохранившемся натуральномъ хозяйствѣ и слабости рынковъ сбыта безъ какихъ либо естественныхъ произведеній природы, кромѣ примитивныхъ сельскохозяйственныхъ матеріаловъ, при слабо развитыхъ путяхъ сообщенія, при наличности плодородной почвы, до сихъ поръ прочно привязывающей къ себѣ большинство населенія, промыслы нашей земледѣльческой мѣстности не могутъ идти въ сравненіе съ промыслами нечерноземнаго раіона. Къ сожалѣнію, массовыя данныя подворныхъ земскихъ переписей, благодаря разницѣ пріемовъ регистраціи, плохо поддаются сопоставленію, давая совершенно несоотвѣтственные указанія. Если сопоставить, напр., число мужчинъ, занятыхъ «мѣстными промыслами», съ общимъ количествомъ мужчинъ 18—60 лѣтнаго возраста, то получатся такія отношенія ¹⁾:

¹⁾ Вычислено по извѣстному сборнику Благовѣщенскаго 1893 г.

Губерніи, въ которыхъ были произведены подворныя переписи	Число мужчинъ (въ тысячахъ)		Отношеніе между ними въ ‰
	18—60 лѣтняго возраста	Занятыхъ мѣст- ными промыслами	
Тверская (5 уѣзд.)	152,8	35,6	24
Нижегородская (3 »)	76,6	18,5	24
Пермская (1 »)	76,1	80,7	106
Тамбовская . . . (12 »)	504,3	7,7 (съ отхожими)	1,3
Воронежская . . (6 »)	235	88,1	37
Орловская (5 »)	153,5	18,9	12
Курская (15 »)	473,6	115,5	24
Бессарабская . . (1 »)	47,8	5,9	12
Черниговская . . (4 »)	96	38,4	40
Херсонская . . . (1 »)	34,7	3,6	10
Полтавская . . . (9 »)	284,6	70,0	24
Самарская (7 »)	463,3	103,2	22
Екатеринослав. (3 »)	80	39,2	49

Мы приводимъ эти данныя именно, чтобы показать ихъ непримѣн-
ность для опредѣленія степени развитія кустарныхъ промысловъ въ раз-
личныхъ мѣстностяхъ. Слишкомъ наглядны противорѣчія для сосѣднихъ
мѣстностей (напримѣръ Тамбовской и Воронежской губ.) и слишкомъ
сходны цифры для мѣстностей глубоко различныхъ. Весьма вѣроятно,
что рядъ домашнихъ занятій вродѣ ткачества для нуждъ семьи, именно
въ мѣстностяхъ черноземныхъ, съ менѣе разложившимися натуральными
отношеніями, попалъ въ рубрику «мѣстныхъ промысловъ», сглаживая
разницу между промышленной и земледѣльческой полосами Россіи.

Въ дѣйствительности тамъ мы видимъ большіе районы, занятые
производствомъ исключительно одного продукта, производствомъ массо-
вымъ, часто съ глубоко идущимъ раздѣленіемъ труда на далекій, иногда
всероссійскій рынокъ. Производство издавна организовано тамъ скупщи-
ками, доведшими кустарей до полной кабалы, до постоянныхъ отноше-
ній зависимости въ самой тяжелой формѣ. Тамъ работа во многихъ отрас-
ляхъ идетъ на привозномъ сырьѣ, доставка котораго монополизирована
скупщиками; въ такихъ отрасляхъ, какъ ткачество, кустарный промыселъ
во многихъ случаяхъ обратился въ домашнюю форму фабричной работы;

развивается наемный трудъ въ скрытой и часто явной формѣ; работа идетъ круглый годъ, дохода въ иныхъ промыслахъ до 18 часовъ въ сутки, тогда какъ заработокъ спускается до нищенскаго размѣра — 5 коп. въ день¹⁾. Связь съ земледѣліемъ утрачена въ гораздо болѣе рѣзкой и полной формѣ, а въ связи съ этимъ выработалась опредѣленная хотя бы примитивная техника, не допускающая перехода отъ одного занятія къ другому. Многіе промыслы получили начало въ городахъ и на фабрикахъ и были уже оттуда перенесены въ деревню. Во многихъ чувствуется конкуренція крупной промышленности, забивающая кустаря.

Вотъ бѣглая картина, рѣзко несходная съ тѣмъ, что мы видѣли въ нашемъ уголкѣ Малороссіи. Почвенныя и климатическія условія создали такую разницу, что невозможно на основаніи данныхъ одной мѣстности судить о вѣроятномъ ходѣ процесса въ другой. Несомнѣнно, что въ нечерноземныхъ губерніяхъ процессъ отдѣленія промышленности отъ земледѣлія зашелъ гораздо дальше, экономическіе и социальныя типы мѣстныхъ промысловъ оформились гораздо рѣзче. Быть можетъ промыслы Полтавской губерніи, представляютъ лишь первичную стадію развитія тѣхъ же высшихъ формъ и черезъ нѣсколько десятилѣтій *при прочихъ равныхъ условіяхъ* развились бы въ томъ же направленіи. Но исторія не повторяется: нѣсколько будущихъ десятилѣтій въ судьбахъ нашей родины могутъ быть связаны съ такими крупными экономическими, политическими и социальными переворотами, что какія бы то ни было предсказанія въ этомъ родѣ будутъ лишь продуктомъ фантазіи.

Обратимся къ вопросу о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты для поддержанія и развитія сельскихъ промысловъ. Авторъ изслѣдованія въ этомъ отношеніи очень остороженъ. Онъ приводитъ мнѣнія и пожеланія самыхъ промышленниковъ, насколько они умѣли высказаться, свое же мнѣніе высказываетъ сдержанно, лишь представляя другимъ рѣшать этотъ вопросъ на основаніи собранныхъ имъ фактовъ. И на самомъ дѣлѣ задача предоставляеть большія, быть можетъ непреодолимая трудности.

Вопросъ объ общихъ мѣрахъ содѣйствія русской кустарной промышленности въ нашей литературѣ рѣшался различно въ зависимости отъ теоретическихъ воззрѣній авторовъ. Двумя полюсами здѣсь являются взгляды двухъ до сихъ поръ не примиренныхъ теченій русской общественной мысли. В. П. Воронцовъ (В. В.), наиболѣе послѣдовательный представитель одного изъ нихъ, въ послѣдней своей работѣ по этому вопросу²⁾ высказывается такъ:

¹⁾ Та и другая цифра относится къ рогожникамъ Нижегородской губ.

²⁾ В. В. Кустарные промыслы и организація ихъ въ Россіи. В. Е. 902. З. см. его же докладъ всероссійскому кустарному съѣзду. Труды съѣзда Спб. 1903.

По климатическимъ условіямъ русскій крестьянинъ имѣетъ въ году нѣсколько (4—6) мѣсяцевъ вынужденнаго бездѣйствія. Въ Зап. Европѣ этотъ срокъ гораздо короче; въ виду этого кустарные промыслы, которые могли бы занять эту свободную рабочую силу, имѣютъ особое значеніе для русскаго народнаго хозяйства. *Нѣтъ никакой внутренней необходимости, чтобы эти промыслы отрывались отъ земледѣлія.* Напротивъ, они могутъ и должны служить ему дополненіемъ, укрѣпляя хозяйственное положеніе земледѣльца. Самое широкое развитіе мѣръ содѣйствія имъ—одна изъ важнѣйшихъ задачъ русской экономической политики.

Въ противовѣсъ этому мнѣнію мы можемъ привести изъ книги С. Лисенка весьма рѣшительное сужденіе одного изъ полтавскихъ мѣстныхъ дѣятелей, воспользовавшагося для своей аргументаціи тезисомъ, выхваченнымъ у наиболѣе прямолинейныхъ представителей другого теченія русской мысли. Въ отвѣтъ на посланный ему опросный бланкъ о кустаряхъ одинъ изъ земскихъ гласныхъ рѣзко осудилъ всѣ стремленія губернскаго земства придти на помощь сельскимъ промысламъ населенія. «Кустарные промыслы, говоритъ онъ,..... по общей судьбѣ ихъ вездѣ должны рано или поздно исчезнуть» (стр. 24). Ergo—спеціальныхъ мѣръ для содѣйствія имъ принимать нѣтъ смысла.

Въ такой формѣ съ этимъ мнѣніемъ конечно нельзя согласиться, но вопросъ о мѣрахъ помощи кустарямъ вызываетъ много опасеній за ихъ осуществимость.

Главная трудность состоитъ въ томъ, что русскіе кустарные промыслы развиваются обыкновенно въ средѣ самыхъ обездоленныхъ элементовъ сельскаго населенія. Крайне низкій уровень потребностей и культурности, безправное положеніе и бѣдность—три общихъ явленія сельской жизни соединились здѣсь въ удвоенныхъ размѣрахъ. Мы видѣли и по нашимъ даннымъ, что главная масса промышленниковъ принадлежитъ къ мало- и вовсе безземельнымъ. Зажиточный элементъ представляетъ меньшинство. Мало того, роковымъ образомъ, условія нашей сельской жизни таковы, что болѣе зажиточный слой, выдѣляющійся надъ среднимъ уровнемъ, весьма легко обращается въ группу, эксплуатирующую бѣднѣйшихъ. Отсюда выходятъ скупщики, лавочники, арендаторы. Экономически несостоятельная масса представляетъ легко доступный и при томъ весьма выгодный объектъ эксплуатаціи. Всякая возможность накопленія свободныхъ средствъ у отдѣльныхъ зажиточныхъ лицъ превращаетъ этотъ запасъ обыкновенно въ торговый или ростовщическій капиталъ. С. И. Лисенко приводитъ между прочимъ характерный фактъ: одной женщинѣ «привалило счастье»—ея мужа «убило» на заводѣ. Ей было выдано 1¹/₂ тыс. вознагражденія, и она богатѣетъ, ставши ростовщицей.

Все это—неизбѣжное явленіе, возникающее на почвѣ экономической и культурной приниженности русскаго крестьянства и вмѣстѣ съ тѣмъ *разслоенія* русской деревни. Можно спорить о томъ, въ какомъ направ-

леніи идетъ развитіе этого послѣдняго явленія, но оно само — фактъ, котораго уже никто не отрицаетъ. Давно прошли времена, когда сельское населеніе представляло хотя бы приблизительное экономическое равенство. Теперь русская деревня даетъ мрачную картину борьбы сильныхъ со слабыми, и единственное коренное лѣченіе недуга заключается въ широкомъ развитіи гражданскихъ правъ для всѣхъ слоевъ населенія. Только это условіе создало бы и облегчило возможность слабѣйшимъ спланиваться для противовѣса болѣе сильнымъ. Только при этомъ условіи возможно развитіе коопераціи, всевозможныхъ союзовъ самопомощи въ широкихъ массахъ населенія. Настоящее же положеніе дѣлъ облегчаетъ успѣхъ лишь болѣе энергичнымъ, но и болѣе хищнымъ элементамъ сельскаго населенія.

Вотъ общая точка зрѣнія на вопросъ.

Въ области экономическихъ мѣропріятій такое положеніе дѣлъ создаетъ своеобразную опасность: помощь, оказываемая какой-либо отдѣльной группѣ, часто создаетъ ей силою вещей извѣстное привилегированное положеніе, которое тотчасъ даетъ возможность развиться эксплуататорскимъ тенденціямъ. Мѣропріятія, которыя нѣтъ силъ или средствъ направить на всю массу населенія, легко приводятъ къ неожиданнымъ результатамъ. Это, конечно, не какая-нибудь фатальная необходимость, но серьезная опасность, съ которой всегда надо считаться.

Намеки на такого рода вліяніе есть и въ книгѣ Лисенка. Въ м. Хмѣловѣ въ 1881—1883 г.г. существовало, наприм., ремесленное училище съ двумя отдѣленіями — сапожнымъ и столярнымъ. Оно выпустило нѣсколько сапожниковъ, «которые теперь являются лучшими и наиболѣе предприимчивыми мастерами».... «отъ одного изъ сапожниковъ, при томъ бывшаго ученика закрывшагося училища, мы слышали такое мнѣніе: «если земство откроетъ новую мастерскую, то оно насъ совѣмъ зарѣжетъ: много новыхъ научатся и будутъ сбивать намъ цѣны» (стр. 422). Но дѣло, именно, въ томъ, что черезъ мастерскую нельзя провести все промысловое населеніе, а единицы или десятки, обучившіеся тамъ, будутъ въ концѣ-концовъ давить своихъ необученныхъ конкурентовъ. И въ данномъ случаѣ, въ мастерскихъ перебывало 12—15 учениковъ, и они, какъ сказано, являются «наиболѣе предприимчивыми» мастерами.

Къ сожалѣнію, деревенская предприимчивость, разъ она не развита въ массѣ, оказывается — подчеркиваемъ — *при современныхъ условіяхъ русской деревни* вещь обоюдоострой.

Надо отмѣтить еще другое явленіе, типичное для русской кустарной промышленности. Картина «возможной» гармоніи между земледѣліемъ и промыслами, соединеніе ихъ въ однихъ и тѣхъ же хозяйствахъ и укрѣпленіе, такимъ путемъ крестьянскаго благосостоянія является при тѣхъ же современныхъ условіяхъ вполнѣ утопичной. Она возможна была бы лишь при сознательномъ регулированіи всей экономической жизни общественными силами, а не при стихійномъ процессѣ борьбы за существованіе и

хаотическомъ состояніи экономическихъ и общественныхъ отношеній. Фактъ, подтвержденіе которому мы видѣли и у г. Лисенка: промыслы развиваются въ средѣ наименѣе обеспеченной, какъ результатъ «мучительнаго процесса—разложенія земледѣльческаго хозяйства» (см. выше). Лишь сравнительно немногочисленныхъ сельскихъ ремесленниковъ, работающихъ по заказамъ, можно считать естественнымъ побочнымъ продуктомъ деревенской жизни, независимымъ отъ социальныхъ условий. Но ихъ сравнительно съ кустарями—меньшинство и развитіе промысловъ кустарнаго типа, внѣ связи съ мѣстнымъ рынкомъ, давить и на нихъ. Быть можетъ, это было бы иначе при другихъ, менѣ тяжелыхъ условіяхъ. Но экономическія и социальные отношенія русской деревенской жизни слишкомъ противорѣчатъ возможности гармоническаго развитія земледѣлія и промысловъ.

Потребности народной массы слишкомъ слабо развиты. Этотъ фактъ, можетъ быть самый мрачный изъ фактовъ русской жизни, хотя и слишкомъ хорошо объяснимый, является ключемъ къ объясненію цѣлаго ряда явленій.

Въ данномъ случаѣ его слѣдствія таковы. Слои населенія, сколько нибудь обеспеченные сельскимъ хозяйствомъ и отчасти нѣкоторыми давно привычными побочными промыслами, не имѣютъ достаточныхъ мотивовъ для исканія новыхъ источниковъ дохода (отдѣльныя особо предприимчивыя единицы конечно должны быть игнорируемы). Примитивность деревенской жизни и цѣпкіе остатки натурального хозяйства не даютъ развиваться разнообразію промысловъ. Не говоря уже о крайне низкой техникѣ и качествѣ продукта, массы недостаточно обеспеченнаго населенія, у котораго земля уходитъ изъ рукъ, могутъ находить поддержку лишь въ болѣе или менѣе шаблонныхъ массовыхъ промыслахъ. Здѣсь слишкомъ легко создается перепроизводство, чрезмерная конкуренція, сбивающія заработокъ и въ результатѣ—условія, отрывающія отъ земли болѣе слабыхъ, проявляютъ свое дѣйствіе съ прежней силой. Всякій, даже новый видъ промысла при обиліи «лишнихъ» рабочихъ рукъ, легко переполняется, создавая превышеніе предложенія надъ спросомъ. Еслибы и было осуществимо развитіе промысловъ въ незанятое время въ средѣ всей крестьянской массы, это создало бы такое колоссальное перепроизводство, что даже населеніе страны съ гораздо болѣе развитыми потребностями и платежными средствами врядъ ли могло бы поглотить эту массу продукта.

Вотъ самыя элементарныя соображенія, заставляющія насъ отвергнуть ту идиллическую «возможность», которая является такой простой и естественной по мнѣнію В. П. Воронцова и др., широко распространенному въ русскомъ обществѣ.

Такимъ образомъ при современныхъ условіяхъ, создающихъ большую неустойчивость русскаго земледѣльческаго хозяйства, сельскіе промыслы

имѣють тенденцію развиваться въ слояхъ, хозяйство которыхъ слабо. Они постепенно обособляются въ группу, утрачивающую связь съ землей; центр тяжести у нихъ все болѣе склоняется на сторону промысловъ. Условія *массоваго* производства на болѣе или менѣе широкій рынокъ создаютъ группу посредниковъ-скупщиковъ. Это явленіе глубоко врастаетъ въ жизнь. Масса населенія, которую весьма удобно эксплуатировать, благодарная почва для него. Слабость рынка и обиліе «свободныхъ» рабочихъ силъ—условіе, способствующее наиболѣе тяжелымъ формамъ кабальной зависимости: создается такая непомѣрно низкая оцѣнка труда, которая доводитъ закабаленныхъ промышленниковъ во многихъ случаяхъ до условій, граничащихъ съ вырожденіемъ.

Если мѣры содѣйствія кустарямъ вообще могутъ достигать цѣли, то несомнѣнно центромъ тяжести ихъ должно быть устраненіе скупщичества. Но это самая трудная изъ задачъ.

Тѣ общія мѣры, которыя указываются и въ литературѣ, и въ разсматриваемой нами работѣ С. И. Лисенка, и осуществляются на практикѣ различными земствами, сводятся къ улучшенію техники производствъ, оказанію кредита кустарямъ, посредничеству по доставкѣ сырья и сбыту издѣлій и наконецъ развитію кооперации у промышленниковъ на всѣхъ ступеняхъ производства, т. е. по закупкѣ сырья, отчасти кредиту, самому производству, по сбыту, а также и потребленію.

Мы не будемъ вдаваться въ подробное обсужденіе этой практической стороны вопроса и кромѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній коснемся ея, лишь поскольку она затронута въ трудѣ С. И. Лисенка.

Изъ всѣхъ указанныхъ выше мѣръ содѣйствія сельскимъ промысламъ въ изслѣдованной мѣстности были попытки, повидимому, лишь улучшенія техники промысловъ (земскій кожевенный заводъ въ м. Смѣломъ, проектъ гончарной мастерской въ г. Глинскѣ). Къ моменту изслѣдованія г. Лисенко и въ уѣздныхъ земствахъ, и въ губернскомъ....мысль о необходимости помочь населенію въ пріисканіи новыхъ или расширеніи, и улучшеніи старыхъ подсобныхъ къ земледѣлію заработковъ....усвоена была главнымъ образомъ лишь въ одной, наиболѣе понятной, простой и осуществимой своей части—въ поднятіи технической стороны промысловъ (стр. 16).

Однако эта простая и естественная мѣра, взятая безъ связи съ другими, имѣетъ много слабыхъ сторонъ. Мастерскія стоятъ дорого, обслуживаютъ лишь сравнительно незначительную группу, принося т. обр. пользу далеко не всѣмъ; вліяніе ихъ слишкомъ слабо относительно *массы* населенія.

«По опыту мы уже знаемъ, говоритъ С. И. Лисенко, какъ непримѣтно и медленно просачивается сквозь стѣны учебнаго заведенія въ народную жизнь всякое специальное знаніе» (стр. 347). Мы уже отмѣтили выше легкую возможность создать этимъ путемъ—на средства, собираемыя со

всего населенія — привилегированное положеніе для отдѣльных личностей, явленіе, котораго, повидимому, трудно избѣжать. Есть еще одна сторона дѣла, которая во многихъ случаяхъ имѣетъ серьезное значеніе. Ее вполне опредѣленно отмѣчаетъ авторъ. «Существующую технику *въ смыслъ качества работы*, улучшать не приходится, т. к. современный уровень ея почти удовлетворяетъ рыночнымъ требованіямъ» (это относится къ ткачеству рядовины въ м. Смѣломъ). «Ткачи это прекрасно понимаютъ: они могли бы работать лучше, но это для нихъ невыгодно и ни для кого не нужно, т. к. оптовые южныя фирмы платятъ въ свою очередь такіа цѣны, которыя не располагаютъ къ улучшеніямъ» (стр. 112).

Нельзя конечно распространять это на всѣ отрасли промысловъ, но авторъ сплошь и рядомъ отмѣчаетъ типичный фактъ: покупатель-крестьянинъ не въ состояніи гнаться за качествомъ, а только за дешевизной («абы дешевле»). Это характерное проявленіе бѣдности и низкаго уровня потребностей ставить совершенствованіе техники промысла въ очень узкіе предѣлы: оно цѣлесообразно лишь тамъ, гдѣ можетъ облегчить трудъ или повысить качество лишь *безъ повышенія цѣны продукта* и безъ увеличенія производительности. Облегченіе производства иногда можетъ привлечь новыя рабочія руки и вызвать перепроизводство, неизбежное и при увеличеніи производительности, а выгода пониженія цѣны, какъ общее правило, достается не производителямъ, а посредникамъ. Вотъ тѣ подводные камни, среди которыхъ приходится лавировать при стремленіи къ улучшенію одной технической стороны дѣла. Таковы ненормальныя экономическія условія русской деревни, создающія своеобразныя противорѣчія между цѣлями, которыя ставятся извѣстнымъ мѣропріятіямъ и результатами, которые достигаются.

Авторъ поэтому совершенно справедливо отдаетъ рѣшительное предпочтеніе «мѣрамъ экономическаго характера, способствующимъ освобожденію кустарей изъ-подъ зависимости отъ скупщиковъ и вообще крупныхъ предпринимателей» (стр. 14).

Первая изъ этихъ мѣръ — организація доставки сырья, повидимому, болѣе или менѣе достижима въ видѣ устройства земскихъ складовъ, агентуръ по доставкѣ матеріаловъ и пр. Трудность здѣсь состоитъ въ томъ, что иногда продукты при посредничествѣ земства оказываются можетъ быть лучше рыночныхъ, но дороже. Это отмѣчается авторомъ, напр., по отношенію къ земскому кожевенному заводу (стр. 182). Организовать закупку сырья земству часто бываетъ трудно, ибо конкурировать съ деревенскими скупщиками, которые не стѣняются ничѣмъ для закупокъ по ничтожной цѣнѣ и являются слишкомъ опытными специалистами, вообще не легко. Но въ нѣкоторыхъ промыслахъ условія закупки сырья до того примитивны, что ею пренебрегаютъ даже скупщики; такова закупка пряжи у деревенскихъ бабъ, которая «является операціей очень тонкой и щекотливой» (стр. 98). Покупаютъ по мелочамъ, за безцѣнокъ, ибо на этотъ первобыт-

ный продукт «рыночной цѣны нѣтъ» и на выгодную покупку пряжи у бабъ относится большая часть заработка смѣлянскихъ ткачей (стр. 103—104).

Что возможно сдѣлать при такихъ первобытныхъ отношеніяхъ?!

Организація *кредита* кустарямъ представляетъ существенную потребность. Это избавляло бы ихъ отъ ростовщичества, доводящаго процентъ до 30, 50 и выше годовыхъ; это позволило бы имъ выжидать цѣны на продуктъ, избавляя отъ необходимости сбывать его скупщику или лавочнику по вынужденной цѣнѣ. Но здѣсь являются опять труднопреодолимые препятствія. Оказаніе кредита массѣ кустарей требовало бы огромныхъ средствъ. Достаточно указать, что въ 1896 г. губ. земство просило въ Гос. Банкѣ на это дѣло 200 тыс. Банкъ потребовалъ мотивировать цифру. «На основаніи имѣвшихся къ 1 Юля того года записей примѣрные расчеты были составлены, при чемъ необходимыя суммы кредита составили конечно не 200 тыс., а цѣлые милліоны, т. ч. испрашиваемая сумма была болѣе, чѣмъ мотивирована» (стр. 17). Въ концѣ концовъ и просимыя 200 тыс. не были даны.

Но помимо финансовой стороны еще болѣе серьезная трудность заключается въ некредитоспособности массы промышленниковъ: говоря о кредитѣ ткачамъ для закупки пряжи, авторъ указываетъ, что «ткачамъ эти идеи очень нравятся, но многіе изъ нихъ сами же замѣчаютъ, что въ иныхъ случаяхъ у ткача, получившаго подобную ссуду, не будетъ ни пряжи, ни денегъ — и не по расточительности или склонности къ пьянству, а потому чаще всего, что у ткача такая масса неудовлетворенныхъ потребностей, при которыхъ онъ постарается употребить всякую болѣе или менѣе замѣтную денежную получку на удовлетвореніе наиболѣе настоятельной изъ этихъ потребностей» (стр. 98). «У кого земли нѣту, тому и кредиту нѣту», говорятъ смѣлянскіе овчинники (стр. 160) и т. д.

Общезвѣстный фактъ некредитоспособности массы населенія, тѣмъ болѣе почти оторваннаго отъ земли, вполне объяснимъ конечно общими условіями русской жизни. Изслѣдованіе крестьянскихъ бюджетовъ очень ясно вскрываетъ мизерность доходовъ и очень крупныя рубрики расходовъ, вызываемыхъ социальными условіями. Мы видѣли выше образчикъ такого бюджета. Если эти условія и не парализуютъ вполне возможности кредита кустарямъ, особенно болѣе зажиточнымъ, если и могутъ существовать такіе учрежденія, какъ Пермскій кустарный банкъ, то во всякомъ случаѣ указанныя условія ставятъ и этому виду мѣропріятій слишкомъ узкія границы.

Посредничество по *сбыту* издѣлій представляетъ наконецъ самую важную, но и самую трудную изъ мѣръ содѣйствія промысламъ. Нѣкоторыя частичныя мѣры указываются авторомъ: таковы полученіе черезъ земство заказовъ отъ интендантства, земскія агентуры по сбыту продуктовъ при помощи прямыхъ сношеній съ торговыми фирмами. Но подобные коммерческія операціи земства всегда представляютъ лишь каплю въ

морѣ. Наиболѣе широко поставлены здѣсь, какъ извѣстно, мѣропріятія Московскаго земства — его кустарный музей, открытый въ 1885 г. Въ 1901 г. онъ продалъ товару на 214 т. руб. и отпустилъ кустарямъ сырыхъ матеріаловъ на 60 т. руб. Однако по даннымъ 1897 г. постоянными его поставщиками были всего 500 семействъ кустарей; отъ нихъ принято издѣлій на 130 тыс. руб. и докладъ управы 1897 г. констатируетъ, что «посредническая дѣятельность между всѣми кустарями (до 60 тыс. семей) и потребителями или торговцами является прямо невозможной: такая дѣятельность потребовала бы расширенія торговли земства до 15 мил. руб. въ годъ».

Рынокъ — вопросъ жизни и смерти для всякой промышленности. Въ знаніи его — вся сила скупщиковъ и торговцевъ. Частичныя мѣры, вродѣ вышеуказанныхъ, имѣютъ значеніе, поскольку онѣ замѣняютъ продуктъ крупной промышленности кустарнымъ и не отнимаютъ рынка у кустарей другихъ раіоновъ. Но организація сбыта въ широкихъ размѣрахъ — задача, непосильная для земства. Она предполагаетъ организацію производства, а это — задача, полное разрѣшеніе которой недоступно не только русскому земству, но и всему современному человѣчеству.

Образованіе всякаго рода *коопераций* между кустарями какъ и въ средѣ всего населенія является однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ общей социализаціи экономической жизни.

У кустарей Роменскаго уѣзда онѣ совершенно отсутствуютъ. Авторъ упоминаетъ лишь о зачаткахъ товарищества по закупкѣ сырья у зажиточныхъ кожевниковъ с. Засулья. Наоборотъ, у бѣднѣйшей массы «конкурренція и нужда развили недовѣріе другъ къ другу и они скептически усмѣхаются, когда говоришь имъ о совмѣстной закупкѣ сырья, совмѣстномъ сбытѣ издѣлій и т. п.» (стр. 112). Но авторъ идетъ глубже: «мало вѣроятно, говоритъ онъ о сапожникахъ Засулья, что причиной отсутствія всякой взаимопомощи мастеровъ въ этомъ дѣлѣ является одно недовѣріе другъ къ другу. Причины болѣе глубоки; ихъ надо искать, повидимому, въ полной неорганизованности самостоятельнаго сбыта издѣлій». Широкій рынокъ сбыта вызываетъ явленія, непонятныя кустарямъ: «мастера лишь чувствуютъ давленіе, которое передается имъ черезъ посредниковъ-скупщиковъ, не давая себѣ яснаго отчета въ пріемахъ такого давленія. Вотъ эта безсознательность экономического существованія, какъ намъ кажется, и является главной причиной безнадежной инертности, недовѣрія другъ къ другу и другихъ признаковъ неорганизованности промысла» (стр. 256). Такъ говоритъ авторъ.

Экономическое прозябаніе, деморализующее вліяніе крайней нужды и безправнаго положенія, все это условія, въ высшей степени затрудняющія развитіе коопераций въ русскомъ крестьянствѣ. Успѣшно развиваться онѣ могли бы лишь въ средѣ зажиточнаго населенія, съ болѣе или менѣе устойчивымъ хозяйствомъ. Мы не говоримъ уже объ отсутствіи

всякой политической жизни: она является главной прочной почвой, на которой только и возможно широкое развитіе экономических союзовъ.

Мы бѣгло коснулись главнѣйшихъ общихъ мѣръ, въ которыхъ можетъ проявляться содѣйствіе кустарной промышленности. Главною цѣлью всѣхъ ихъ является освобожденіе отъ скупщиковъ. Но допустимъ, что цѣль достигнута. Вотъ примѣрный подсчетъ результатовъ, взятый у автора.

«Устраненіе скупщика и обращеніе получаемаго имъ посредническаго барыша въ пользу производителей ткачей, разумѣется, не произвело бы въ судьбахъ ткачей коренного переворота и не создало бы имъ благоденствія, но оно все же значительно повысило бы оплату ихъ труда.... при устраненіи скупщика ткачъ могъ бы.... повысить свой заработокъ на 30—50%» (стр. 109). По разсчету г. Лисенка средній заработокъ ткачей 36 руб. въ годъ. Онъ повысился бы до 48—56 руб. И только всего, даже при достиженіи главной цѣли!

Мы видимъ, что и въ этомъ случаѣ заработокъ кустаря (ткача) представляетъ мизерную величину. Но максимальная норма для рядового кустаря не многимъ превышаетъ эти цифры. Этотъ фактъ заставляетъ задуматься.

Если бы это еще были подсобные промыслы устоячиваго крестьянскаго хозяйства—съ такими цифрами можно было бы примириться. Но факты не подтверждаютъ этого: промыслы, какъ мы видѣли выше, въ массѣ—продуктъ разложенія земледѣлія. Допустимъ, что разсчеты чересчуръ понижены—все же и въ лучшемъ случаѣ при успѣхѣ всѣхъ специальныхъ мѣръ помощи кустарямъ, имъ могло бы быть обезпечено лишь полуниченское существованіе. Мы не говоримъ уже о чрезмѣрномъ трудѣ кустарей, иногда даже дѣтскомъ, хотя это явленіе въ описываемой мѣстности проявляется скорѣе спорадически; не говоримъ и объ отвратительной гигиенической обстановкѣ большинства промысловъ, побороть которую нелегко, ибо она обща и чисто земледѣльческимъ хозяйствамъ и здѣсь проявляется лишь въ усиленной степени.

При такихъ условіяхъ вопросъ о специальной помощи промысламъ сводится на болѣе общій вопросъ о причинахъ ихъ возникновенія. А какъ мы видѣли причины эти, если мы ограничимся данной мѣстностью, сводятся къ *разложенію земледѣлія*. Оно постоянно создаетъ новые кадры свободныхъ рабочихъ рукъ, доводя до крайности конкуренціи въ промыслахъ, давая все народное хозяйство, еще болѣе понижая и безъ того безмѣрно низкій уровень потребностей. Такимъ образомъ специальныя мѣры (не смотря на всѣ отмѣченныя трудности нельзя конечно вполнѣ отрицать ихъ значенія) безсильны безъ рѣшенія коренного вопроса о разложеніи земледѣлія.

Какія условія вызываютъ его, несмотря на то, что населеніе въ Россіи гораздо рѣже, чѣмъ въ странахъ болѣе культурныхъ? Какія условія мѣшаютъ развитію высшихъ формъ сельскаго хозяйства даже въ рамкахъ тѣхъ же условій распредѣленія землевладѣнія. Отвѣтъ на эти вопросы слишкомъ назрѣлъ въ русскомъ общественномъ сознаніи, чтобы его повторять здѣсь.

Мы разсмотрѣли вопросъ, которому посвящена книга г. Лисенка. Основываясь почти исключительно на фактахъ, почерпнутыхъ изъ нея, мы старались показать какъ общую картину, рисуемую ею, такъ и тѣ выводы, которые можно сдѣлать относительно практическаго воздѣйствія на данную область социально-экономическихъ явленій. Что касается фактическаго положенія дѣла—книга представляетъ огромный запасъ данныхъ, свѣдѣній и наблюденій. Въ значительномъ загроможденіи ея фактическими данными, часто мелочными, можно видѣть даже ея недостатокъ. Но не надо забывать, что кромѣ общихъ характеристикъ она имѣетъ въ виду дать въ руки земства весь, какой возможно, справочный матеріалъ, которымъ оно могло бы руководиться при проведеніи своихъ мѣропріятій. Во всей работѣ виденъ живой интересъ къ дѣлу, стремленіе объективно освѣтить всѣ стороны вопроса, критически отнестись къ показаніямъ опрашиваемыхъ лицъ, подчеркнуть все, что въ нихъ является сомнительнымъ.

Мы говорили выше о слабыхъ сторонахъ организаціи изслѣдованія: его бѣглости, вытекавшей изъ недостатка времени; отсутствіи подворной переписи промысловыхъ хозяйствъ, недостатка массовыхъ статистическихъ данныхъ. Все это вытекало не изъ неумѣлости изслѣдователей, а изъ крайней недостаточности силъ, которыя къ тому же еще все уменьшались во время самой работы. Авторъ съ полной добросовѣстностью самъ отмѣчаетъ всѣ слабыя стороны какъ въ организаціи изслѣдованія, такъ и въ программѣ его, чтобы предохранить земство отъ возможнаго повторенія ошибокъ.

Что касается вопроса о мѣрахъ содѣйствія промысламъ, то авторъ, какъ мы указали и выше, старается приводить лишь данныя опроса, и очень сдержанъ въ собственныхъ выводахъ. Весьма возможно, что трудности задачи, хорошо знакомыя человѣку, близко стоящему къ практической жизни, удержали его отъ проектированія съ легкимъ сердцемъ какихъ-либо широкихъ, но мало осуществимыхъ мѣропріятій. Въ то же время живое сочувствіе къ печальному положенію наблюдаемыхъ имъ группъ населенія не позволяло ему примириться съ легко возникающей мыслью о безнадежности ихъ положенія. Гдѣ только возможно, авторъ указываетъ на частныя мѣры возможной помощи дѣлу.

Все изложение указывает, что авторъ вдумчивый и добросовѣстный наблюдатель, старающийся выяснить жизнь, какъ она есть, не закрывая глаза ни на темныя, ни на свѣтлыя ея стороны.

Въ виду всѣхъ этихъ достоинствъ мнѣ кажется, что работа С. И. Лисенка вполне заслуживаетъ половинной премии въ 500 рублей.

Л. Яснополье

Основываясь
мы старались

V.N. Karazin Kharkiv National University

00419356 8